

А Н . М И

ЕЕ МУЗЫКА ЖДАЛА ОТВЕТА. ЕГО
МОЛЧАНИЕ СТАЛО НАЧАЛОМ

Фермата

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ан Ми Фермата

<https://litres.ru/73976151>

SelfPub; 2026

Аннотация

Итан Уэст построил свою жизнь на контроле и холодном расчёте. Сделки. Риски. Люди. В его мире чувствам нет места — случайные женщины сменяют одна другую, не задерживаясь в памяти. Никаких привязанностей. Никаких обещаний.

Мия Эллинг приезжает в Нью-Йорк с одной мечтой: писать музыку, от которой замирает сердце, и наконец стать свободной. Но чтобы сводить концы с концами и не возвращаться к матери-тирану, она вынуждена браться за любую работу.

Они слишком разные. Слишком неправильные друг для друга. Но между ними происходит то, что Итан не планировал. Её музыка проникает туда, куда не доходят слова — в самую глубину, где контроль давно потерял власть. Одна случайная встреча переворачивает их мир навсегда.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	51
Глава 4	59
Глава 5	76
Глава 6	94
Глава 7	107
Глава 8	124
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Ан Ми Фермата

Глава 1

Настал тот самый день, день экзамена в Сибелиус-Академии, самом престижном музыкальном учебном заведении Европы.

Сюда не попадали случайно. Не по удаче, не по знакомству и не потому, что «хорошо играешь». Сюда приходили только те, кто был готов положить на музыку жизнь. Конкурс был жестоким: десятки претендентов на одно место, многоэтапный отбор, холодные аудитории, где каждую ошибку слышали так же ясно, как верную ноту.

Пять лет пролетели почти незаметно.

Пять лет, в которые уместилась вся её жизнь.

Музыка с детства была для нее не увлечением и не красивым фоном. Она стала тем, что связывало её с миром, с людьми, с самой собой. Через музыку Мия понимала то, что не могла объяснить словами. Мия мечтала быть композитором. Тем, кто остаётся в тени, но управляет чувствами зри-

теля.

Она была уверена: без правильно написанной музыки даже самая драматичная сцена остаётся пустой. Кадры могут быть выстроены идеально, актёры играть безупречно, диалоги звучать точно, но если музыка не попадает в нерв, ничего не происходит. Нет дрожи. Нет дыхания. Нет настоящего чувства.

Она помнила момент, когда впервые это поняла.

Ей было всего около шести лет. Они с мамой сидели вечером у телевизора и смотрели фильм. Сюжет был сказочным, персонажи яркими, но Мию завораживало другое. Музыка. Она поднималась, когда на экране происходило что-то важное, сжимала грудь, заставляла сердце биться быстрее. В какие-то моменты у Мии буквально холодели пальцы, так сильно она чувствовала каждую ноту.

Она закрывала глаза и представляла, как сама пишет такую музыку. Как её мелодия будет идти вместе с кадром, усиливать страх, надежду, ожидание. Как зритель будет чувствовать больше, чем видит.

Музыка делала происходящее настоящим.

Она запомнила не лица героев, она запомнила мелодию.

И именно она осталась с ней на годы.

Путь обучения был трудным.

И сегодня был тот самый день. День финального экзамена, именно он отделял Мию от всего, ради чего она жила последние годы.

Она вошла в зал.

Пространство встретило её холодом и тишиной. Высокие потолки, светлые стены, большое окно, через которое падал рассеянный свет и подчёркивал чёткость линий и строгую геометрию зала. В центре стоял рояль. Чёрный, массивный, без единой лишней детали.

Мия шла по залу медленно, ноги слегка дрожали. Она машинально поправила строгое платье до колен. Закрытое. Аккуратное. Правильное.

Села за рояль.

Деревянная скамья была холодной, и этот холод сразу прошёл сквозь ткань, в спину, дальше в позвоночник, осел где-то между лопатками. Она выпрямилась, длинные светлые волосы были стянуты в тугий пучок, ни одной выбившейся пряди, даже дыхание она удерживала ровным, будто его тоже

могли оценить.

Она подняла взгляд.

Голубые, почти ледяные глаза на секунду скользнули по залу. Этого было достаточно. Экзаменаторы сидели за длинным столом, выстроенные в строгую линию.

Мия почувствовала, как внутри поднимается напряжение, она медленно выдохнула и в этот момент исчез зал. Исчезли люди. И она начала играть.

Первая нота прозвучала осторожно. Вторая легла увереннее. С каждой следующей звук становился устойчивее, и вместе с ним выравнивалось внутреннее напряжение. Композиция была выучена до автоматизма, до той степени, когда пальцы двигались быстрее мыслей. Движения были точными и сдержанными.

Она не играла ноты. Она выстраивала пространство. В её голове существовали кадры, движения света, замедленные жесты. Музыка жила вместе с ними, следовала за ними, подчёркивала то, что невозможно сказать словами. Существовал только звук.

И то, что происходило внутри неё вместе с ним.

Когда последняя нота растворилась, она не сразу убрала руки. Зал погрузился в тишину всего на несколько секунд.

Затем один из экзаменаторов, пожилой профессор в очках с тонкой оправой слегка наклонил голову.

— Прекрасно, мисс Эллинг, — сказал он, поправляя очки. — Вы можете идти.

Мия кивнула.

Аккуратно встала.

Снова поправила платье.

В коридоре, как всегда, ждала мать.

Хотя Мии уже был двадцать один год, для матери это ничего не значило. Возраст не освобождал от контроля. Она не обняла дочь, не улыбнулась, не задала ни одного лишнего вопроса. Только внимательно посмотрела, словно проверяла результат ещё раз, своим взглядом.

— Ты не ошиблась? — спросила она. — Не фальшивила?

Мия покачала головой.

— Хорошо, — сухо сказала мать, одёргивая край её пла-

тъя, как будто и здесь могла быть допущена неточность. — Профессор Лахти сказал, результаты будут известны через пару дней. Надеюсь, ты не подвела. И эти пять лет не пройдут даром.

Она уже разворачивалась к выходу, как будто разговор был окончен.

— Пойдём. Надо успеть в пекарню за свежим хлебом. Потом всё разберут.

Мия не удивлялась. Мать не поздравляла и не радовалась никогда. Для неё успех был не поводом для эмоций, а нормой. Минимумом, который Мия обязана была обеспечить.

— Твоя карьера зависит от этого, — чеканила мать по дороге, не снижая темпа. — Я вложила в твоё образование столько сил и денег. Надеюсь, это принесёт плоды. Посмотрим, что из тебя выйдет. Я не собираюсь остаться без куска хлеба в старости. Я рассчитываю на тебя.

Мия лишь кивала.

Ей хотелось одного, как можно скорее оказаться в своей комнате.

Там, где её ждал синтезатор.

Профессиональный инструмент, который она выбирала долго и осторожно, читая характеристики, слушая звучание, сравнивая тембры. Такой синтезатор позволял работать не просто с мелодией, а с фактурой звука, с глубиной, с пространством. Он стоил дорого.

Она копила на него почти год.

Свободное время у Мии выглядело просто. Без встреч, без прогулок, без спонтанных радостей. Вечерами она занималась с детьми. Учила их азам музыки, ставила руки, терпеливо повторяла одно и то же снова и снова. Ей это нравилось. Иногда Мия ловила себя на том, что улыбается, объясняя простые вещи, и это было редкое, почти забытое чувство.

Иногда ей приходилось выбирать между усталостью и очередным уроком. Она выбирала урок.

Когда синтезатор наконец оказался у неё, она просто стояла рядом, проводя пальцами по корпусу. Это была её первая по-настоящему взрослая покупка.

На нём можно было писать музыку так, как она всегда хотела. Не просто играть, а создавать миры, атмосферу, состо-

яние.

В гостиной стоял большой рояль. Красивый, дорогой, правильный. Но Мия почти никогда не играла там. Мать всегда слушала. Считала. Исправляла. Здесь музыка становилась проверкой, а не свободой.

Она поднялась к себе, закрыла дверь, включила синтезатор и сразу же положила пальцы на клавиши. Она играла, почти не замечая времени. Музыка проходила через неё напрямую, без сопротивления. Мия жила внутри этого процесса, не отделяя себя от того, что создаёт.

В её коллекции уже были десятки партий.

Она мечтала написать мелодию, от которой замирают не потому, что так положено, а потому что невозможно не остановиться и не услышать. Музыку, которую не нужно объяснять. В которой её почувствуют раньше, чем узнают имя.

Три дня ожидания тянулись медленно и тяжело. Утро начиналось одинаково, с проверки почты ещё до того, как она успевала встать с кровати. Телефон лежал рядом, экран загорался десятки раз в день, и каждый раз сердце делало короткий рывок, а потом снова опускалось в тишину. Любое уведомление заставляло вздрагивать.

Мать делала вид, что ей всё равно. Она не спрашивала напрямую, но каждый вечер, проходя мимо, будто между делом, произносила одни и те же фразы. Узнала ли ты что-нибудь. Написали ли. Не затягивают ли. В этих вопросах не было волнения, только контроль и нетерпение.

Письмо пришло на третий день.

Короткое. Без приветствия. Без поздравлений. Университетская почта, сухая формулировка, оценка. Мия перечитала строку несколько раз, прежде чем позволила себе поверить, что это не ошибка и не чья-то чужая новость. Она прошла. Не просто прошла, с отличием. Лучшая на курсе. Так о ней всегда говорил профессор Лахти.

Вручение дипломов проходило в большом светлом зале Сибелиус-Академии.

Мия надела светлое закрытое платье, простое по крою, без украшений. Волосы снова были убраны в аккуратный пучок. Всё так, как считала правильным мать.

Когда прозвучало её имя, Мия поднялась и вышла вперёд. Она держала спину прямо, плечи были расправлены, в ней чувствовалась та же внутренняя собранность, с которой она играла на финальном экзамене, будто сцена и сейчас требовала от неё полной концентрации. Ей вручили диплом. Мия

взяла его и на мгновение ощутила его вес в руках, как знак того, что этот путь действительно завершён.

Позади, в нескольких шагах, стояла мать. Прямая, строгая, без тени улыбки. Она не смотрела на лицо дочери и не ловила её взгляд. Её внимание было приковано к диплому в руках Мии, словно именно он и был настоящим итогом этого пути.

После церемонии к Мии подошёл профессор Лахти. Ему было около пятидесяти, он выглядел моложе своих лет. Высокий, подтянутый, в тёмном пиджаке, Лахти был известен не только как сильный педагог, но и как композитор, чьи работы исполнялись в театрах и камерных залах Европы. Его уважали. Его мнение имело вес.

Он остановился напротив неё и позволил себе улыбнуться.

Мия знала эту улыбку. За пять лет обучения она видела её всего несколько раз. Профессор почти никогда не показывал эмоций, но к ней относился иначе, не как к студентке, а как к человеку, которому можно доверить больше, чем экзамен и ноты.

Он знал её историю. Знал, какой ценой ей даётся каждая

победа. Видел, как она работает, как не позволяет себе слабости, как держит планку выше необходимого. Он замечал и то, что оставалось за пределами аудитории. Как мать ждёт её после экзаменов. Как поправляет одежду. Как вместо поздравлений говорит о долге и будущем.

Он никогда не обсуждал это вслух. Не задавал лишних вопросов. Но Мия чувствовала, что он понимает. И по-своему оберегает ее.

— Мия, — сказал он тихо, почти по-отечески. — Ты справилась. Я горжусь тобой.

Для неё эти слова значили больше, чем любые аплодисменты.

Он бросил короткий взгляд в сторону её матери, стоявшей поодаль, затем снова посмотрел на Мию.

— Пойдём, — сказал он негромко. — Нам нужно поговорить.

Он отвёл её к окну. Снял очки и медленно протёр их платком. Этот жест Мия знала с первого курса. Так он делал всегда, когда разговор был важным.

— У меня есть для тебя предложение, — начал он после паузы. — Один мой давний знакомый ставит спектакль в Нью-Йорке. Режиссёр. Работает с независимыми театрами, не гонится за громкими именами, но очень точно чувствует материал. Мы пересекались на фестивалях, я хорошо знаю, как он работает.

Профессор чуть наклонился к окну, будто собирая мысли.

— Это камерная сцена. Небольшой зал, минимум декораций, почти всё держится на актёрах и атмосфере. История жёсткая, психологическая. Про выбор, про утраты, про то, что человек прячет глубже всего. Каждый звук должен быть оправдан.

Он снова посмотрел на Мию.

— Именно поэтому я сразу подумал о тебе. Когда он спросил, есть ли у меня кто-то, кто сможет не просто написать музыку, а почувствовать ткань постановки, я рассказал о твоей работе. О том, как ты слышишь паузы. Как работаешь с тишиной. Как не боишься оставить сцену без звука, если это честно. Ты пишешь не сопровождение, а состояние.

Мия слушала, не перебивая. Сердце билось слишком быстро.

— Это не Бродвей, — продолжил он спокойно. — И, возможно, никогда им не станет. Бюджет небольшой. Оплата небольшая. Формально это можно назвать стажировкой, но такие проекты иногда вырастают неожиданно. Их начинают замечать. Про них пишут. И если это случится, имя композитора всегда остаётся рядом с режиссёром.

Он на мгновение замолчал, давая ей время осознать сказанное.

— Это куда честнее, чем остаться здесь и писать музыку, которую будут исполнять раз в год для полупустого зала, — сказал он тише. — Там ты будешь внутри процесса. Каждый день. С актёрами, репетициями, ошибками, поиском. Это опыт, который нельзя получить в аудитории.

Он слегка кашлянул и добавил уже почти шёпотом:

— И да. Это будет возможность пожить своей жизнью. Хотя бы попробовать.

Профессор снова взглянул на её мать.

— Жильё тебе оплатят. Тебе нужно просто приехать и работать. Делать то, о чём ты мечтала всю жизнь.

Мия почувствовала, как внутри всё сжалось от восторга. Губы дрогнули, глаза загорелись. Она даже не попыталась скрыть эмоции.

— Да, — сказала она сразу. — Да, я хочу. Очень. Но мне нужно поговорить с мамой.

Вечером, за ужином, мать налила им по бокалу вина. Она коротко произнесла «поздравляю», будто отмечала выполненный пункт в списке, и почти сразу взяла телефон. Фотография диплома ушла первой подруге, затем второй, третьей. Сообщение за сообщением. В этих жестах было больше гордости, чем в словах, сказанных дочери.

— Пей, — сказала она, подвигая бокал. — Вино хорошее. Для такого случая подходит.

— Ты заслужила.

Мия сделала глоток. Вино оказалось терпким, плотным. Оно немного согрело, и напряжение, которое держалось весь день, слегка ослабло. Она вдохнула глубже и, набравшись смелости, произнесла:

— Мама, профессор Лахти предложил мне поехать в Нью-

Йорк.

Мать выслушала молча. Лицо не изменилось. Она медленно поставила бокал на стол, сложила руки перед собой, будто готовилась не к разговору, а к расчёту.

Потом заговорила. Спокойно. Холодно. Без единой лишней эмоции. Про деньги, которые там никто просто так не платит. Про риски, о которых «ты ещё слишком мало понимаешь». Про то, что в Нью-Йорке таких, как она, тысячи. Про то, что разумнее остаться здесь, в Европе, где диплом имеет вес, а будущее можно контролировать. Про стабильность, которую нельзя обменивать на иллюзии.

В этих словах не было заботы. Только проверка на рациональность.

И впервые Мия возразила.

— Мама, — сказала она тихо, но твёрдо. — Я взрослая. Это мой шанс. Моя мечта. Я хочу поехать.

Мать поджала губы. Долго молчала, будто взвешивала не чувства, а выгоду. Потом тяжело вздохнула.

— Ладно, — сказала она наконец. — Я куплю билеты.

Мия подняла на неё взгляд.

— Спасибо, — ответила она почти шёпотом. — Квартиру мне оплатят сразу на полгода. И у меня есть небольшие сбережения. Я обещаю, я буду работать. Никаких развлечений. Только музыка.

Мать кивнула, сделав глоток вина.

— Хорошо, Мия, — сказала она. — Будем надеяться, что это не впустую. Окончить самое престижное музыкальное заведение Европы это ответственность. Ты не имеешь права выглядеть посредственно. Ты должна блеснуть. Поняла?

Мия опустила взгляд в тарелку и аккуратно разрежала мясо. Она была рада. По-настоящему. В тот же вечер Мия набрала номер профессора Лахти.

Он ответил почти сразу. Выслушал её, и в его голосе сразу прозвучало одобрение.

— Это отличная новость, Мия, — сказал он. — Не тяни. Собирайся как можно скорее. Такие возможности не любят ожидания.

Она поблагодарила его и положила трубку.
Достала из шкафа чемодан.
Собирать вещи оказалось странно легко.

Её гардероб не был большим. Никаких ярких вещей. Никаких лишних украшений. Мия складывала одежду аккуратно, уже представляя, как будет работать над музыкой, как будут проходить её дни, наполненные звуками и тишиной между ними.

Самым важным были ноты.

Она достала папки и задержалась на них дольше всего. Эти листы были настоящей её жизнью. Не музыка для кого-то другого, не чужие произведения, а её партии. Исписанные карандашом и ручкой, с пометками на полях, с подчёркнутыми тактами, с маленькими знаками, понятными только ей. Она складывала их в плотную папку на резинке, проверяла несколько раз, будто боялась забыть самое главное.

На следующий день был последний урок.

Её постоянный ученик, Элиас, пришёл, как всегда, чуть раньше. Он стоял у двери с рюкзаком, старательно делая вид, что это обычный день. Но глаза выдавали.

Мия посадила его за рояль в гостиной, как делала всегда, и они начали. Она мягко поправляла его руки, следила за дыханием, останавливалась на сложных местах, объясняла спокойно и терпеливо.

Он играл сосредоточенно, старательно, но сегодня всё шло не так. Он сбивался, спешил, не попадал в дыхание. В какой-то момент остановился и резко опустил руки.

— Мисс Эллинг... вы правда уезжаете? — спросил он глухо, не поднимая глаз.

Мия почувствовала, как внутри что-то сжалось.

— Да, Элиас, — тихо сказала она. — Но это не значит, что я исчезну.

Он молчал, кусая губу, словно хотел сказать что-то ещё, но не решался. Мия знала этот взгляд. Он привязался к ней сильнее, чем должен был привязываться ученик к преподавателю. Ему нравилось быть рядом. Нравилось, как она слушает. Как верит в него. Как спокойно говорит, что всё получится, даже когда он сам в это не верит.

— Я буду по вам скучать, — сказал он наконец, и голос дрогнул.

— Мы не прощаемся навсегда. Мы будем созваниваться. Ты будешь играть мне по телефону, а я буду слушать.

Она наклонилась чуть ближе и добавила, словно это было самое важное правило в мире:

— И я всё равно услышу, если ты будешь фальшивить.

Он выдохнул, будто впервые за урок позволил себе дышать, и вдруг шагнул к ней. Обнял крепко, неловко, по-детски, так, как обнимают тех, кого боятся потерять.

Мия обняла его в ответ. Осторожно. Тепло.

— Ты справишься, — сказала она тихо. — Ты уже справляешься.

Вечером она ещё несколько раз проверяла вещи, переключала их, закрывала и снова открывала чемодан. Потом достала конверт и пересчитала свои сбережения.

Их было немного, но достаточно, чтобы не чувствовать паники. Она сложила деньги обратно и закрыла конверт.

Мать вошла без стука.

Посмотрела на открытый чемодан, папки с нотами, чехол синтезатора.

— Это всё? — спросила она.

— Да, — ответила Мия.

Мать положила на стол ещё один конверт.

— Возьми, — сказала она.

Мия подняла на неё взгляд.

— Мам...

— Не начинай, — отрезала мать. — Это не для того, чтобы ты там гуляла и изображала богему. Ты едешь работать. Поняла? Я твоя мать, и я должна быть уверена, что ты не будешь есть что попало и нормально питаться.

Мия кивнула.

— Спасибо, мама.

— Ты едешь в Нью-Йорк, — продолжила мать. — И ты

должна держать марку. Быть серьёзной и сосредоточенной. Поняла?

— Да, мама, — тихо сказала Мия. — Я поняла.

Аэропорт встретил их ярким светом и шумом. Люди торопились, катили чемоданы, говорили на разных языках, смеялись, нервничали. Мия стояла рядом с матерью и чувствовала, как внутри всё одновременно дрожит и горит.

У стойки регистрации мать ещё раз поправила её воротник, будто Мии было не двадцать один, а двенадцать.

— Не теряй голову, — сказала она. — И не думай, что там кто-то будет тебя жалеть.

Мия сглотнула.

— Я знаю.

Мать посмотрела на неё внимательно. Почти мягко. Почти.

— Звони, — сказала она коротко.

И это было всё, на что она была способна вместо объятий.

Мия кивнула, крепче сжала ручку чемодана и пошла к контролю.

Обернулась один раз. Мать стояла ровно, неподвижно, как всегда. Она не махала рукой. Не улыбалась. Просто смотрела.

Когда самолёт оторвался от земли, Мия прижалась лбом к стеклу.

Город под ней становился маленьким. Дороги, крыши, линии, знакомые до боли, превращались в карту. В рисунок. В прошлое.

Она закрыла глаза и услышала внутри музыку.

Тихую.

Свободную.

Новую.

Самолёт поднимался выше, и вместе с ним поднималось то, чего ей никогда не позволяли чувствовать вслух.

Надежда.

К моменту, когда Мия поймала себя на том, что больше не считает дни, прошла ровно неделя. Неделя в Нью-Йорке пролетела почти незаметно. Город жил в другом ритме, не таком размеренном и сдержанном, как Хельсинки. Здесь всё было другим. Люди шли, не замедляясь, улицы не замирали ни днём, ни ночью, шум не стихал. И всё же Мия почувствовала себя здесь удивительно спокойно. Впервые в жизни она не пыталась подстроиться. Ей не было страшно. Город наполнял её, давал ощущение движения и пространства, в котором можно просто быть.

Квартира, которую ей сняли, оказалась лучше, чем она ожидала. Светлая, спокойная, с хорошей звукоизоляцией. Она быстро привыкла к этому пространству. Небольшой парк был совсем рядом, и Мия часто выходила туда с блокнотом, просто чтобы сидеть на скамейке, дышать и записывать обрывки мелодий. Здесь никто не следил за тем, как она сидит, как держит спину, здесь можно было быть собой.

Уже в первые дни Мия познакомилась с мистером Харрисоном. Он оказался удивительно интересным человеком, глубоким и внимательным. Они встретились в театре. Харрисон провёл её по залу, он говорил о театре так, будто это было живое существо. Рассказывал о постановках, которые рождались здесь годами раньше, о постановках, ставших заметными далеко за пределами этого квартала, о том, как важ-

но не удивлять зрителя, а заставить его остаться наедине с собой.

Потом он протянул ей текст пьесы.

Она называлась «Тонкая грань тишины».

Харрисон говорил о ней спокойно, почти бережно. О том, что хочет донести до людей. О выборе, который совершается в тишине. О боли, которую не принято произносить вслух. О моментах, когда жизнь ломается не громко, а незаметно.

Мия листала страницы и чувствовала, как внутри что-то откликается. История была жёсткой и глубокой, с неожиданными поворотами, с внутренним надломом. Это был именно тот материал, ради которого она и ехала через океан, тот, в который хотелось вложиться полностью. Здесь всё было настоящим, не вылизанным, не глянцевым.

Мистер Харрисон сразу включил Мию в процесс. Она присутствовала на репетициях, сидела в зале, делала пометки, ловила интонации, отмечала паузы. Актёры отыгрывали сцены полностью, с эмоциями, с надрывом, иногда останавливались, спорили, смеялись, возвращались к тексту. Музыка начинала рождаться прямо там, между репликами и движениями.

Мия приносила наброски почти каждый день. Для отдельных сцен, для переходов, для тишины. Она писала ночами, сидя на кровати, с синтезатором рядом, не включая верхний свет.

Сердце колотилось.

Это было именно то, о чём она мечтала.

С актёрами Мия нашла общий язык почти сразу, к собственному удивлению. Это произошло не в один момент, а как будто само собой. Сначала короткие реплики во время репетиций, потом случайные разговоры в коридоре, потом совместные обеды, которые незаметно стали привычкой.

В труппе было всего несколько человек, но каждый из них горел общим делом.

Джереми, высокий и собранный, играл сдержанно и жёстко, почти не позволяя себе лишних интонаций. После прогона он первым начинал разбор сцены, возвращался к паузам, к дыханию, к тем местам, где эмоция «проваливалась».

Эмма была точной до болезненности. Она могла часами разбирать одну реплику, искать правильное звучание, правильный взгляд, пока сцена не начинала держаться сама.

Майкл приходил позже остальных, всегда запыхавшийся,

но, оказавшись на сцене, мгновенно собирался, словно всё лишнее оставалось за дверью театра.

Между ними не было суеты. Только работа.

В перерывах они выходили вместе и садились за длинный столик в небольшом кафе напротив театра. Разговоры почти всегда возвращались к спектаклю. К сценам, которые не складывались. К моментам, где текст звучал слишком прямо или, наоборот, терял смысл. Каждый видел материал по-своему, и эти различия не сглаживались, а обсуждались спокойно и внимательно.

Мия сначала больше слушала. Она впитывала интонации, замечала, как актёры говорят о своих персонажах, как переживают сцены. Постепенно её начали спрашивать. О музыке, о том, где, по её ощущению, напряжение должно держаться дольше. И к её словам прислушивались. Не из вежливости, а потому что они точно попадали в суть.

Это было новым ощущением.

Её мнение не оценивали. Его принимали.

Почти незаметно появилась и традиция. Мия стала приносить на репетиции пончики из пекарни за углом. С глазурью, с посыпкой, каждый раз разные. Со временем без этой

коробки репетиция казалась незавершённой, и все ждали её появления.

— Сегодня с клубникой?

— Нет, я первый выбираю, она всегда берёт шоколадные.

— Подождите, дайте Мии сначала открыть коробку.

Эти мелочи делали репетиции теплее. Театр переставал быть просто рабочим пространством. Он становился местом, куда хотелось приходить.

Мия ловила себя на том, что смеётся громче, чем когда-либо раньше. Что разговаривает свободно, не подбирая каждое слово. Что не чувствует себя лишней или слишком тихой.

Без матери рядом она будто постепенно становилась собой.

Дни проходили быстро, почти незаметно. Утром репетиции, днём обсуждения, вечером музыка. Иногда они задерживались в театре дольше обычного, сидела у сцены с синтезатором, глядя на актёров, и сразу пыталась нащупать звук. Набрасывала фразы, записывала ноты в блокнот, ловила интонации на ходу. Она горела работой. Но теперь эта работа была не одиночеством, а частью общего дыхания. И именно это делало её по-настоящему живой.

На кровати лежал бургер с двойным сыром и огромный стакан газировки. Мия улыбалась, глядя на него, и продолжала делать пометки в нотах.

Телефон зазвонил резко выдёргивая её из мыслей.

— Мия, — голос матери был привычно холодным и собранным. — Ты не звонила уже два дня. Надеюсь, ты работаешь, а не шляешься там без дела.

Мия взяла бургер, лежащий на кровати и откусила, наслаждаясь этим простым, запрещённым удовольствием.

— И ты нормально питаешься? — продолжала мать, не дожидаясь ответа. — Я надеюсь, ты не ешь этот американский фастфуд. Ты же знаешь, что это вредно. Потом не жалуйся.

Мия вытерла пальцы салфеткой, посмотрела на крошки на ладони и едва заметно усмехнулась.

— Мам, всё в порядке, — сказала она ровно. — Сейчас очень много работы. Я ем салат. С овощами. Всё как ты любишь.

Она снова откусила бургер. Соус капнул на салфетку, оставив жирное пятно. Мия почувствовала странное, почти детское удовлетворение от этого несоответствия между словами и реальностью.

— Салат, — повторила мать с сомнением. — Смотри у меня. Ты там не отдыхать поехала. Это шанс. Ты должна быть сосредоточена. Я рассчитываю на результат. И не забывай, я буду звонить. Часто.

— Я знаю, мам, — ответила Мия. — Правда, сейчас репетиция, а еще у меня телефон почти разрядился.

Это было неправдой. Телефон лежал рядом, с полным зарядом. Но ей нужно было закончить разговор. Не из грубости. Из необходимости сохранить это ощущение тишины и своей жизни.

— Ладно, — сказала мать после короткой паузы. — Перезвони позже.

— Конечно, — тихо ответила Мия. — Пока.

Она сбросила вызов и несколько секунд сидела неподвижно, глядя на экран. Только сейчас до неё дошло, что она впервые солгала матери. Мия вытерла пальцы салфеткой и,

не вставая с места, потянулась к блокноту с нотами, который лежал в сумке рядом. Она достала его и медленно перелистнула страницы. Яркая, драматичная сцена, которая требовала музыки, которая берёт за душу и не отпускает. Мия пролистала несколько страниц. Карандаш лежал там же, на полях виднелись быстрые пометки, сделанные на ходу.

Она открыла чистый лист и только потом включила синтезатор.

Новая партия рождалась легко и уверенно, она сразу почувствовала, что попала точно.

Всю ночь Мия работала над этой сценой. Возвращалась к ней снова и снова, переписывала, убирала лишнее, оставляла паузы, пробовала другой темп.

Утром она пришла в театр с новой партией.

Села в зале, установила синтезатор, разложила ноты. На сцене актёры заняли свои места. Когда Мия начала играть, разговоры стихли. Музыка медленно заполнила пространство, легла на сцену, на свет, на дыхание актёров. В зале стало тихо. Кто-то закрыл глаза, кто-то замер, не отрывая взгляда от сцены.

— Это... просто великолепно, — сказал мистер Харрисон

после паузы. — Именно то, что нужно. Это берёт за душу.

Мия улыбнулась.

— Очень красиво, — добавил Джереми.

Пока Мия собирала синтезатор, она всё чаще ловила на себе его взгляд. Он не был навязчивым. Скорее внимательным, тёплым. Его взгляд задерживался чуть дольше, чем требовалось. Каждый раз Мия смущённо отводила глаза, делая вид, что занята нотами, заправляя за ухо непослушную прядь, будто именно в этот момент это было самым важным делом.

Когда репетиция закончилась, Джереми подошёл ближе и, словно между прочим, предложил выпить кофе неподалёку. Просто поговорить. Мия удивилась самой себе, когда согласилась почти сразу. Раньше она бы смутилась, нашла бы предлог отказаться, вспомнила бы мамины слова о дистанции, о том, как «неправильно» выглядят подобные приглашения. Эта мысль мелькнула и сейчас, но уже не остановила её. Она лишь отметила это про себя и позволила разговору случиться.

И именно в такие моменты Мия замечала, что меняется. Не Она больше не носила строгие платья, которые выбирала

мать. Теперь это были удобные джинсы, простые футболки с ироничными надписями, мягкие свитеры, в которых можно было сидеть на полу театра и не думать о том, как ты выглядишь со стороны. Она распускала длинные белокурые волосы, позволяла им свободно падать на плечи, а не стягивала их в тугий пучок. На лице появлялся лёгкий макияж, блеск для губ, чуть подчёркнутые ресницы. Мелочи, которые раньше считались лишними и потому были под запретом.

Она даже купила себе пару вещей просто потому, что захотелось. Короткую юбку чуть выше колена, ту самую, на которую она раньше смотрела украдкой и сразу вспоминала, как мать говорила, что это вульгарно и неподобающе. Теперь юбка висела в шкафу рядом с джинсами, и Мия улыбалась каждый раз, когда видела её.

Жизнь наполнялась простыми радостями. Она сама решала, когда идти в прачечную, могла спать до обеда в выходной, не испытывая вины, выходила за продуктами без списка и возвращалась домой с пакетом, в котором было больше спонтанного, чем запланированного. Шла по улице, чувствуя ритм города, и вдруг понимала, что стала его частью.

Глава 2

Прошло два месяца.

Репетиции шли своим чередом, без спешки, но с внутренним напряжением, которое накапливается только тогда, когда работа по-настоящему живая. Большая часть музыки уже была написана. Мия жила этим проектом так, будто другой реальности для неё не существовало. Сцены менялись, уточнялись, обростали деталями, а музыка постепенно становилась их внутренним нервом.

В то утро она проснулась раньше обычного.

На кухне было тихо, город за окном медленно просыпался. Мия сделала себе простой завтрак. Тост, немного масла, йогурт, налила кофе в свою любимую кружку, ту самую, с мелкими нотами по краю, купленную в маленьком магазине возле театра. Кофе был горячим, терпким, бодрящим.

Она собиралась торопливо, в сумку легли папки с нотами, блокнот с пометками, на плечо она закинула чехол с синтезатором. Этой ночью она почти не спала.

Музыка пришла внезапно.

Это был короткий фрагмент. Всего несколько секунд. Музыки для сцены напряжённого молчания, когда между героями уже сказано всё, но самое важное ещё не прозвучало вслух. Тонкая, натянутая, почти невыносимая. Внутри у Мии всё вибрировало, когда она играла этот фрагмент снова и снова. Он не был громким. Не был эффектным. Но был точным. Настоящим.

Она гордилась им.

Телефон зазвонил, когда она уже застёгивала сумку.

Имя мистера Харрисона высветилось на экране.

— Мистер Харрисон, — сказала Мия, почти сразу поднимая трубку. В голосе было волнение. — Я как раз хотела вам позвонить. Я написала сегодня ночью фрагмент для сцены второго акта, помните, ту паузу перед финальным монологом? Там получилось что-то очень точное, я думаю, вам нужно послушать, это буквально...

— Мия, — перебил он. — Мия, подожди.

Она замолчала.

— Вчера ночью... — он сделал паузу. — В театре случилось короткое замыкание. Проводка старая. Искра. Огонь пошёл по заднику сцены. Сработала система, пожарные приехали быстро. Никто не пострадал.

Мия сжала телефон сильнее.

— Но сцена... — продолжил он. — Сцена сильно повреждена. Часть зала тоже. Декорации. Свет. Всё.

Она стояла посреди комнаты, не двигаясь.

— Мия, — сказал он мягче. — Нам придётся приостановить проект.

Слова повисли между ними.

— Найти новую сцену в разгар сезона почти нереально, — продолжал он, будто объясняя сам себе. — А восстановление займёт месяцы. Если вообще будет финансирование. Ты же понимаешь, старые здания никому не нужны. Их проще снести и построить торговый центр. Инвестор уже дал понять, что не готов вкладываться дальше. Это слишком рискованно.

Мия не могла вымолвить ни слова.

— Я уже оповестил труппу, — сказал он. — Пока пьеса заморожена. Я не знаю, выйдет ли она вообще. Возможно... возможно, ей просто не суждено выйти в свет.

Он замолчал, потом добавил тише:

— Мне очень жаль. Ты чудесный композитор, Мия. У тебя большое будущее. Я обязательно свяжусь с тобой, как только появится хоть какая-то ясность.

Разговор закончился быстро. Слишком быстро.

Телефон погас.

Мия опустила руку.

Проект, которым она жила, исчез за одну минуту. До конца оплаченной аренды оставалось два с половиной месяца. Сбережений было мало. Возвращаться к матери она не могла. Даже мысль об этом сжимала грудь.

Мия медленно опустилась на край кровати.

Впервые за долгое время она не знала, что делать дальше.

Недели слились в один повторяющийся день.

Утро почти не отличалось от вечера, а понедельник — от субботы. Мия просыпалась рано, даже когда в этом не было необходимости. Она варила кофе, открывала ноутбук и снова начинала искать работу.

Сначала она была уверена, что всё решится быстро. Репетиторство казалось самым очевидным вариантом. У неё был диплом, опыт, рекомендации, годы занятий. Она отправляла заявки в частные школы, музыкальные студии, отвечала на объявления родителей.

Ответы приходили не сразу.

А когда приходили, почти всегда заканчивались одинаково.

Вежливые формулировки. Благодарность за интерес. Уточняющие вопросы. А потом необходимость лицензии штата, подтверждения диплома через местные инстанции. Процесс мог занять месяцы.

Месяцев у неё не было.

Она закрывала письма, открывала новые вкладки, прокручивала списки вакансий. Иногда ловила себя на том, что

смотрит в экран, не читая, просто двигая пальцем по тачпаду.

В какой-то момент ей всё же удалось найти подработку.

В старом католическом соборе почти на окраине города пару раз в неделю собирался камерный оркестр. Здание давно не использовалось по назначению. Там не было прихожан, но была акустика. Высокие потолки, каменные стены, холодный воздух. Оркестр играл музыку из сериалов и культовых фильмов. Темы, знакомые каждому. Музыка, которую узнавали с первых нот.

Это не было искусством в привычном для неё смысле, но это была музыка. И этого оказалось достаточно.

Концерты проходили просто. Музыканты собирались ближе к вечеру, раскладывали ноты на пюпитрах, переговаривались вполголоса, настраивали инструменты. В зале постепенно гас свет, и холодное пространство собора наполнялось шорохом шагов, приглушённым гулом голосов.

Когда звучала первая тема, пространство сразу менялось. Музыка поднималась под потолок и возвращалась обратно, умноженная эхом. В этом зале звук был почти безупречным. Он не ломался, не терялся, а словно раскрывался, становил-

ся объёмнее, глубже, чем был на самом деле.

Платили немного. Двадцать пять долларов за вечер. Этого не хватило бы даже на часть аренды. Но Мия согласилась сразу, не задавая вопросов.

Если бы мать знала, —подумала она.

Если бы увидела её здесь. В холодном соборе. За эти деньги. После Сибелиус-Академии, самого престижного музыкального учебного заведения Европы, которое она закончила с отличием.

Мия знала, что услышала бы.

Знала эти слова наизусть. Они жили в ней давно. Но она отгоняла их, как отгоняют навязчивую мелодию.

Когда музыка поднималась под своды и растворялась где-то наверху, всё это переставало иметь значение. Она была рада просто быть здесь. Просто играть.

Матери она разумеется ничего не сказала.

Каждый разговор по телефону звучал одинаково.

— Всё хорошо, — говорила Мия.

— Проект в процессе. Я занята. Работаю.

И это была почти правда.

Она сидела за столом с ноутбуком, открытым на сайте вакансий. Страницы медленно прокручивались вниз, одна за другой, пока в трубке снова звучал голос матери. Мия ела йогурт, механически, почти не чувствуя вкуса, будто это было просто движение, которое нужно совершить.

— Ты не слоняешься там по ночам? — спросила мать. — Вчера ты не взяла трубку в десять.

— Мама, я уже спала, — соврала Мия спокойно.

— Ты должна требовать солидную оплату, — продолжала мать. — Ты выпускница такого престижного заведения. Зачем тебе работать за копейки?

— Мам, всё в порядке.

Мать не слушала. Она уже говорила о чём-то другом. Про соседей. Про украденную машину. Про то, как сейчас вообще нельзя никому доверять. В её голосе было привычное раздражение, смешанное с поучением, и Мия знала этот тон слишком хорошо.

Она смотрела в экран и кивала, хотя мать этого не виде-

ла. Почти не слушала, вставляя короткие, выученные фразы. Да. Понимаю. Конечно. Ты права. Одной рукой она автоматически обновляла страницу с вакансиями.

И вдруг взгляд зацепился.

Уборщица.

Ночные смены.

Мия усмехнулась вслух, даже тихо рассмеялась.

— Мия, что смешного? — насторожилась мать.

— Мам, у меня сейчас телефон садится, — быстро сказала она. — Мне надо бежать на репетицию. Я наберу позже.

Она сбросила вызов, не дожидаясь ответа.

Мия уже собиралась закрыть вкладку, подумав с иронией, что это прямо по специальности, но взгляд снова вернулся к объявлению. К строчке с оплатой.

Сумма была в разы выше всего, что она получала сейчас. Этого хватило бы на аренду, еду, транспорт. И даже оставалось бы немного.

Ночные смены.

Мия медленно доела йогурт, собирая ложкой остатки со стенок стаканчика. Она сидела неподвижно и думала.

Ночью не задают вопросов.

Ночью можно быть незаметной.

И вдруг всё сложилось. Днём музыка. Репетиции. Поиск. Ночью работа.

Она закрыла ноутбук. Потом снова открыла объявление. Ещё раз посмотрела на цифры. Усмехнулась сама себе и не давая себе времени передумать, набрала номер.

Мия приехала раньше назначенного времени и несколько минут просто стояла у входа, глядя на стеклянный фасад. Здание поднималось вверх почти без конца, отражая небо и соседние небоскрёбы. Оно выглядело слишком современным, слишком уверенным в себе. Таким, каким она сама себя никогда не ощущала.

— Мисс Элинг?

Она обернулась. Перед ней стояла девушка в безупречном костюме и на высоких каблуках. Строгая, собранная, с план-

шестом в руках и взглядом человека, привыкшего контролировать пространство.

— Я Клара, HR, — представилась она. — Пойдёмте, я вас проведу, чтобы вы не заблудились.

Мия кивнула и пошла следом.

Внутри здание оказалось ещё масштабнее. Просторный холл был залит светом, стекло и металл отражали движение людей. На огромных экранах бежали графики, цифры, курсы валют. Логотип AURUM NODE сиял на стене холодным золотом. Инвестиционная компания нового типа, как позже скажет Клара. Криптовалюты, венчурные фонды, быстрые деньги и ещё более быстрые решения.

Вокруг было шумно. Люди в дорогих костюмах говорили по телефону, смеялись, спорили, торопились. Кто-то пил кофе на ходу, кто-то сидел с ноутбуком прямо в холле. Здесь всё происходило одновременно. Всё было в движении.

— У нас современный подход к работе, — сказала Клара, будто между прочим, ведя Мию вперёд. — Мы много требуем, но и даём людям возможность выпускать пар.

Они шли по длинному коридору, мимо переговорных с

прозрачными стенами, за которыми кипели обсуждения.

— Каждую пятницу у нас вечеринки, — продолжила Клара. — Закрытые. Только для сотрудников и партнёров. После удачных сделок, крупных контрактов, выхода на новые рынки. Здесь умеют работать и умеют отдыхать. Иногда слишком хорошо.

Мия слушала, стараясь не выдать растерянности. Лифты поднимали их всё выше, город за стеклом медленно отдалялся.

— Алкоголь, музыка, гости, — спокойно перечисляла Клара. — Люди позволяют себе больше, чем обычно. Это часть корпоративной культуры. Я думаю вы понимаете о чем я, но утром офис должен выглядеть так, будто ничего не происходило.

Они прошли почти через весь офис и зашли в кабинет Клары с панорамными окнами. Город внизу казался нереальным, как декорация.

Она села за стол и открыла резюме Мии. Сначала пролистала быстро, затем остановилась. Брови поползли вверх.

— Сибелиус-Академия, — произнесла она медленно. —

С отличием. Композитор.

Она подняла взгляд, теперь уже с откровенным интересом.

— Композитор и такой выбор работы?

Мия чуть смутилась.

— Это временно. Подработка.

— Понимаю, — кивнула Клара. — Ничего сложного. Ночные смены. Вы будете приходить после мероприятий. Наводить порядок. Иногда до рассвета.

Она сделала паузу.

— Мы платим хорошо. Потому что нам важно, чтобы сотрудники могли утром начать рабочий день без следов ночи.

Мия решилась задать вопрос.

— Почему такая высокая оплата?

Клара улыбнулась, но в этой улыбке не было ни тепла, ни иронии.

— Мисс Эллинг, — сказала она спокойно, — мы платим не только за уборку. Мы платим за молчание.

Она достала папку и положила её перед Мией.

— У нас строгая политика конфиденциальности. Всё, что вы увидите здесь ночью, должно здесь и остаться. Алкоголь, разговоры, гости, иногда вещи, которые не должны покидать эти стены. Руководство требует подписания NDA.

Мия на секунду задержала дыхание. Потом кивнула.

— Мне подходит.

— Отлично. Тогда оформим вас сразу. Приступить сможете уже сегодня. К полуночи вы должны быть здесь. Рабочую одежду и инвентарь получите на месте. Старшая смены, мисс Роуз, всё покажет и объяснит.

Клара посмотрела в планшет.

— График ночной. Расчёт раз в неделю.

— Хорошо , — ответила Мия.

Клара улыбнулась и протянула папку с документами.

— Добро пожаловать в AURUM NODE, мисс Эллинг.

Мия подписала бумаги, чувствуя, как внутри что-то сжимается и одновременно становится пусто.

Глава 3

К полуночи Мия была на месте.

У служебного входа её встретила мисс Роуз. Женщина лет сорока, с тёмными волосами, собранными в тугий пучок, и цепким взглядом человека, который видел здесь всё и давно перестал чему-либо удивляться. Она приложила карту к считывателю, дверь тихо щёлкнула, и они вошли внутрь.

Офис был пустым.

Горел только нижний свет, мягкий и рассеянный. Огромное пространство тянулось вглубь: стеклянные перегородки, длинные столы, ряды кресел. Днём здесь, должно быть, кипела жизнь, но сейчас всё выглядело чужим и немного нереальным, словно декорации после спектакля.

— Ты новенькая, так? — спросила мисс Роуз, оглядывая Мию с головы до ног. — Совсем молодая. И чего решила на такую работу пойти?

— Деньги нужны, — ответила Мия. — Я композитор. Это временная подработка, пока не найду что-то подходящее.

Брови мисс Роуз слегка поползли вверх.

— Ну надо же, — протянула она. — Композитор. Ладно, пойдём. Хотя, если честно, я уже ничему не удивляюсь.

Они двинулись по коридору, и шаги глухо отдавались в тишине.

— Вот здесь можешь оставить свои вещи, — сказала мисс Роуз, указывая на небольшую комнату сбоку. — А теперь пойдём, покажу всё остальное.

Она шла уверенно, не оглядываясь.

— Работаем строго по одному, — продолжила она на ходу. — Распоряжение начальства. Меньше разговоров, меньше сплетен. Можно сказать, замечаем следы того, что тут иногда творят. Будто нам до этого есть какое-то дело.

Она усмехнулась.

Мисс Роуз остановилась у двери кладовой.

— Считаю, что так безопаснее. Для них, — добавила она с лёгким презрением. — Хотя что я тут могу взять, я и не понимаю толком, чем они здесь занимаются. Моё дело простое. Есть распоряжение — я выполняю. В остальное не лезу.

В кладовой стояли тележки, вёдра, тряпки и швабры. Всё было расставлено строго, без лишних деталей. Мисс Роуз протянула Мие бежевый фартук и перчатки, сама надела такие же.

— Надевай. Вот твой инструмент, — кивнула она на тележку. — И это важно. Запомни.

Она указала на пакеты.

— Розовые для мусора, который никто не должен видеть. Бутылки, упаковки, всякое такое. Иногда бывает и похуже, — добавила она с кривой улыбкой. — Это всё оставляешь строго здесь. Ночью за этим заезжают отдельно. Остальное складываешь в синие и выносишь после смены. Поняла?

— Да, — кивнула Мия.

— Пойдём.

Они выкатили тележку в коридор.

— Начинаем лучше отсюда, — сказала мисс Роуз, указывая на опенспейс.

Она работала уверенно и быстро, протирала столы привычными движениями. Мия старалась не отставать. Работа оказалась механической, почти успокаивающей. Они переходили от кабинета к кабинету, двигаясь методично, без спешки.

Пройдя несколько помещений, мисс Роуз остановилась и указала на лист, прикрепленный к стене.

— Смотри. Если находишь какие-то вещи или что-то, о чём нужно знать следующей смене, записываешь сюда. Пересменку сдаём на этом листе.

Вдалеке, за стеклянной перегородкой, в одном из кабинетов горел свет.

— Там кто-то есть? — тихо спросила Мия.

— А, там, — кивнула мисс Роуз в сторону полутемного кабинета. — Это начальник. Итан Уэст. Станный он, никогда не здоровается, молчит в основном, но очень вспыльчивый если что не так, может быстро заменить тебя. — Она сделала паузу, усмехнулась. — Но по правде, красивый, конечно. Только думает, что раз у него деньги, можно на всех свысока смотреть.

Она понизила голос.

— До тебя тут Рейчел работала. Так вот, зашла к нему без стука, когда он там... ну, ты понимаешь, был не один. Говорят, вылетела оттуда пулей. Так что имей в виду: стучать всегда, смотреть в пол и не задавать вопросов. Он не из тех, кто объясняет. Работает в основном ночами. Что-то там с торгами, я не вникаю. С ним лучше быть осторожнее. Никогда не знаешь, что у него в голове.

Она понизила голос.

— И ещё у него есть партнёр. Нейтан Филл. Тот ещё козел. Узнаешь его сразу, — она посмотрела на Мию внимательнее. — По грязным шуточкам. Иногда позволяет себе лишнее, имей в виду. Особенно рядом с такими, как ты.

Мисс Роуз ещё раз оценивающе скользнула по ней взглядом.

Мия напряглась, и скрыть это было невозможно.

— Не пугайся, — усмехнулась мисс Роуз. — Инцидентов не было. Пока. Просто игнорируй и делай свою работу. Тебе за это платят.

Они продолжили уборку. Тележка тихо скользила по полу, тряпки шуршали, вода плескалась в вёдрах. Мисс Роуз говорила на ходу, будто просто заполняя тишину и не придавая своим словам особого значения.

— Богатые думают, что им всё можно, — сказала она, нагибаясь и вытаскивая из-под стола очередную пустую бутылку. — Деньги, власть, ночные вечеринки. А потом мы всё это приводим в порядок. Как будто ничего и не было.

Она бросила бутылку в нужный пакет и выпрямилась.

Они дошли до зоны кухни. Здесь было особенно заметно, как заканчивался чей-то вечер. В раковине громоздилась гора посуды, на столах стояли недоеденные обеды, стаканы с остатками напитков, коробки из-под еды. Воздух был густым от смешанных запахов.

Мисс Роуз вздохнула, закатала рукава и принялась за дело.

— Тут можешь перекусить, — сказала она между делом, пододвигая Мии чашку. — Не стесняйся. В холодильнике еды всегда полно. Так что бери спокойно. Зачем тратить, если начальство и так платит, — усмехнулась она.

Она кивнула в сторону кабинета начальства.

— К нему всегда со стуком. Всегда. Обычно он не разрешает убираться у себя, но даже если разрешит — всё равно сначала спроси. Поняла?

Мия кивнула.

— Они тут все параноики, — продолжила мисс Роуз, не понижая голоса. — А этот особенно. Боится, что мы увидим что-то лишнее. Такая у них мания. Один раз девушку уволили только за то, что она слишком долго рассматривала бумаги на столе. Решили, что много понимает.

Она пожала плечами.

— А что ей понимать? Она, как и мы, просто пришла работать.

Работа шла спокойно и ровно. Время тянулось незаметно, и к трём часам ночи они закончили.

— Ну вот, — сказала мисс Роуз, снимая перчатки и вытирая руки. — Видишь, работа не пыльная. Пару часов и свободна. А платят неплохо. Я так ипотеку тяну.

Она протянула Мие карту.

— Это твоя. Запомни, на выходе охрана всегда проверяет мешки. Не пугайся. Просто порядок такой. Если вдруг будут вопросы, звони мне.

Они взяли мешки с мусором и направились к выходу.

Глава 4

Вечер пятницы.

В эти дни выступлений Мия чувствовала себя по-настоящему живой. Зал был почти полон, сегодня пришло больше людей, чем обычно. Эти вечера в соборе становились популярными — камерными, тёплыми, непохожими на большие концерты. Сюда приходили не ради пафоса, а ради узнаваемых нот, ради того, чтобы снова пережить любимые сцены, закрыв глаза, Мия чувствовала это каждой клеткой: даже чужая музыка, пропущенная через её пальцы, находила отклик.

Когда последняя нота затихла, она выдохнула, сняла наушники, аккуратно сложила ноты и , начала собирать синтезатор. Мысли уже ускользали куда-то далеко, к завтрашнему дню, к поискам новой подработки, к счетам, которые снова напомнят о себе, как только она перестанет думать о музыке.

Телефон завибрировал неожиданно.

Мия посмотрела на экран и удивилась. Мисс Роуз. Она на секунду замешкалась, потом ответила.

— Мия, — голос в трубке был напряжённым, чуть торопливым, с нотками паники. — Слушай, выручай. У меня сегодня форс-мажор. Ребёнок заболел, температура под сорок, оставить его не с кем, его отец в командировке, до подруги не дозвониться. Ты сможешь выйти за меня сегодня ночью?

Мия опустила взгляд на синтезатор и аккуратно проверку по нему рукой.

— Да, — сказала она после короткой паузы,

— Думаю, смогу.

— Правда? — в голосе мисс Роуз появилась явная, почти чрезмерная благодарность. — Ты меня просто спасаешь, Мия. Честно. Я век тебя не забуду. Только прикрой меня сегодня, ладно? Одна смена. Я всё отработаю, потом подменю тебя, когда скажешь.

— Хорошо, — ответила Мия, уже понимая, что спорить бесполезно. — Я выйду.

Она посмотрела на часы и поняла, что ехать домой в другую часть города уже нет смысла. На дорогу ушло бы слишком много времени, а смена начиналась через час с небольшим. Метро, пересадки, пробки — нет, не вариант. Мия перевела взгляд на синтезатор.

—Ладно, поеду сразу в офис, — решила она. Опоздания, как предупреждала мисс Роуз ещё в первую неделю, могли стоять места, а сейчас ей был нужен каждый заработанный цент.

Она подошла к двери, приложила пропуск — ключ-карта не сработала с первого раза. Мия занервничала, но дверь всё же открылась. Она поднялась на тридцатый этаж и вот она снова оказалась внутри.

Пространство встретило её приглушённым светом дежурных ламп. Горели только нижние светильники. Мия огляделась, прошла в кладовую и уже хотела оставить там синтезатор, но не смогла: слишком узко, слишком тесно. Инструмент там бы просто не поместился. Тогда она поставила его на кухне, в углу, подальше от прохода. Переоделась в рабочую форму, собрала волосы в хвост и приступила к работе.

Работы оказалось немало.

Мисс Роуз не врала. Пятницы здесь проходили бурно, судя по количеству пустых и полупустых бутылок, по горам мусора, рассыпанного по всему опенспейсу, по тяжёлому, спёртому запаху алкоголя, пота и ещё чего-то кислого, что висело в воздухе плотной, удушливой завесой. Кто-то про-

лил красное вино на светлый ковролин. На столах стояли грязные чашки с остатками жидкости, в которой плавали окурки. На одном из диванов валялись чьи-то туфли.

Мия работала спокойно и почти автоматически.

Розовые пакеты она наполняла тем, что никто не должен был видеть. Пустые бутылки из-под виски и дорогого коньяка, смятые стаканы с отпечатками помады и пальцев, липкие салфетки, пропитанные алкоголем, использованные презервативы, которые она находила в самых неожиданных местах — под столом, в цветочном горшке, за диваном. Следы чужих ночей, чужих утех, чужой жизни. В синие пакеты складывала остальное. Бумаги, коробки из-под пиццы, салфетки, упаковки от снеков, мусор без истории.

Мия тихо напевала себе под нос.

И вдруг звук.

Сначала она не поняла, что это.

Что-то ломаное. Будто ноты сталкивались друг с другом и падали, разбивались о бетонный пол. Звук был знакомым и одновременно неправильным. Он шёл с кухни.

Мия остановилась.

Она прислушалась.

Это был синтезатор.

Её синтезатор.

Сердце резко упало куда-то вниз, провалилось в ледяную пустоту. Она бросила тряпку прямо на пол и почти бегом направилась на кухню. Мысли путались, разбегались, сталкивались в голове. Может, показалось. Может, просто эхо от музыки, которая всё ещё звучала в голове после концерта. Но с каждым шагом звук становился отчётливее, грубее, реальнее.

Когда она вбежала внутрь, дыхание перехватило.

За столом на кухне сидел мужчина. Пьяный это читалось во всём: в мутных глазах, в том, как он покачивался на стуле, едва удерживая равновесие. Он смеялся сам с собой тихо, невнятно, заплетающимся языком бормоча что-то себе под нос. Перед ним лежал ее инструмент, он лежал на грязном столе, заляпанном алкоголем, в кругах от бокалов, в крошках и чьих-то недопитых напитках. Без чехла. Бездушно брошенный на эту грязь.

Мужчина тыкал по клавишам, не глядя. Ладонью, пальцами, кулаком. Иногда просто ударял по ним со всей дури, и звук выходил резким, грязным, чужим — таким, каким никогда не должен был быть.

Мия застыла.

В груди поднялась паника. Этот инструмент был самым важным и самым дорогим, что у неё было. Не по цене. По смыслу. Она шагнула ближе, почти неслышно, чувствуя, как дрожат колени.

— Пожалуйста... — сказала она тихо, и голос её дрогнул, сорвался на беззащитный, почти детский шёпот. — Вы можете не трогать? Это мой инструмент.

Слова вышли робкими, неуверенными, жалкими. Она сразу пожалела, что сказала их так. Слишком мягко. Слишком осторожно. Но по-другому она не умела.

Мужчина лишь усмехнулся и не обращая внимания на её мольбу, снова ударил по клавишам.

И вдруг хлопнула дверь.

Та самая дверь. Кабинет, в котором весь вечер горел свет, в котором всё это время кто-то был.

Мия обернулась.

По тёмному офису к ним шёл мужчина.

Высокий, широкоплечий, на вид не старше тридцати. Он двигался уверенно, спокойно так, словно всё пространство принадлежало только ему. Когда он подошёл ближе, свет упал на его лицо, и Мия смогла разглядеть его лучше. Тёмные волосы, чуть взлохмаченные, падающие на лоб. Резко очерченные скулы. Почти чёрные глаза, такие глубокие, внимательные, а когда он шагнул ещё ближе, запах его парфюма ударил ей в нос: терпкий, древесный, с горьковатой ноткой табака.

— Колин, — сказал он холодно. Голос был низким, ровным, от которого пьяный мужчина на стуле заметно напрягся. — Ты что, чёрт возьми, творишь?

Колин обернулся, всё ещё усмехаясь пьяной, мутной улыбкой, не понимая, что происходит.

— Итан, смотри, — протянул он заплетающимся языком, ткнув пальцем в клавиши, — я играю. Слышишь? Музыка.

И снова ударил по клавишам нарочито громко, специально.

Звук резанул слух, как ножом по стеклу.

— Пожалуйста, — сказала она, и голос её прозвучал тихо, почти беззвучно, но с такой отчаянной мольбой, что даже Колин на секунду замер. — Это мой инструмент. Я могу его убрать. Я просто не знала, куда его положить... Я сегодня первый день работаю... Пожалуйста, не трогайте его.

Итан посмотрел на неё — на её перепуганные глаза и что-то заставило его взгляд задержаться.

Итан перевёл взгляд на Колина, который уже тянул руку к клавишам, собираясь нажать снова.

— Отдай ей инструмент, — сказал он резко, чеканя каждое слово. — Сейчас же. Немедленно.

Он подошёл ближе на шаг, на два, навис над Колином, и в его фигуре чувствовалась такая угроза, что Колин инстинктивно отдёргнул руки от клавиш.

— И если ты ещё раз так себя поведёшь, — продолжил Итан всё тем же ледяным, спокойным тоном, от которого мурашки бежали по коже, — я тебя уволю. К чёртовой матери уволю. Ты понял меня? Что ты к ней пристал? Пусть работает. Посмотри, какой вы тут устроили бардак.

Колин проворчал что-то невнятное, раздражённое,

фыркнул, но спорить не посмел. Он поднялся, покачнулся, и, бросив на Итана пьяный взгляд, поплёлся прочь, бормоча ругательства себе под нос.

Мия тут же подскочила к столу, схватила синтезатор и прижала его к себе — крепко, изо всех сил, будто спасала живое существо.

Она подняла голову, и их глаза встретились.

Он смотрел на неё внимательно. Слишком внимательно. Взгляд медленно скользнул по её лицу, по глазам, по губам, по тому, как она кусала их от волнения, потом опустился ниже, к рукам, прижимающим инструмент к груди. На секунду он задержал взгляд, а потом он резко отвёл.

— Можешь положить его в том кабинете, — он указал рукой в сторону двери. Голос его смягчился, но в нём всё ещё чувствовалась та сталь, та власть, которая заставляла подчиняться. — Там ему ничего не будет. Никто не тронет.

Мия кивнула, не в силах вымолвить ни слова.

— Зайди потом ко мне, надо будет убрать кабинет, и не дожидаясь ответа, развернулся и ушёл обратно к себе, бесшумно закрыв за собой дверь.

Мия осталась стоять на месте ещё несколько долгих секунд, прежде чем смогла выдохнуть.

Она аккуратно упаковала синтезатор, отнесла его в закрытый кабинет и поставила туда, подальше от чужих глаз, от чужих рук, от всего мира.

Когда она вышла, Колин всё ещё стоял на кухне. Он встал, покачнулся, задел локтем бокал. Тот с глухим, тяжёлым звоном опрокинулся на пол, разлетевшись на сотни острых осколков. Тёмная жидкость медленно растеклась по светлой плитке, впитываясь в грязь, смешиваясь с крошками и пеплом.

Колин посмотрел на Мию мутными, пьяными глазами и усмехнулся.

— И это тоже убери, — бросил он, махнув рукой в сторону лужи.

Мия ничего не сказала. Просто кивнула.

Она аккуратно взяла тряпку, собрала осколки, стараясь не порезаться, вытерла пол досуха. Руки дрожали, и она злилась на себя за эту дрожь, за то, что сердце всё ещё колотилось,

хотя всё уже закончилось. Или ей только хотелось в это верить.

Когда работа на этаже была почти закончена, она осталась одна в коридоре. Перед той самой дверью. Кабинетом, из которого он вышел.

Мия остановилась. Несколько секунд стояла неподвижно, собираясь с силами. Вспомнила слова мисс Роуз. Всегда стучать. Всегда предупреждать и не входить без спроса.

Она подняла руку и постучала.

— Можно... я пришла убрать? — спросила она тихо, и голос её прозвучал неуверенно, почти робко в тишине кабинета.

— Да, заходи, — ответил он, не поднимая взгляда от ноутбука.

Кабинет оказался просторным и строгим. Почти пустым. Большой стеклянный стол, книжные полки, тёмный шкаф у стены. Он сидел за столом, сосредоточенный и что-то печатал.

— Тот шкаф не трогай, — сказал он сразу, даже не взгля-

нужно на неё..

Он сделал паузу.

— Здесь можешь убрать. Стол вытирать не нужно.

Он по-прежнему не смотрел на неё.

Мия кивнула и начала работать. Протирала полки, корешки книг, аккуратно передвигая вещи. Двигалась тихо, стараясь быть незаметной. И всё же чувствовала, как его взгляд время от времени скользит по ней. Не задерживаясь. Но возвращаясь. Снова и снова.

— Если ещё раз будет такой инцидент, — сказал он, не поднимая головы, но в голосе появилось что-то новое — может быть, участие, может быть, просто вежливость, — можешь сразу подойти ко мне. Такая специфика работы. Обычно к полуночи здесь уже никого не остаётся, но бывают исключения.

Мия подняла на него взгляд, но он снова смотрел в экран.

— Хорошо, спасибо, — тихо ответила она, и эти два слова прозвучали теплее, чем она планировала.

Он снова замолчал, вернулся к работе. Пальцы быстро бегали по клавиатуре, лицо было сосредоточенным, почти отрёпанным, Мия заметила, как он на секунду замер, когда она проходила мимо стола.

Потом всё-таки посмотрел.

— Как тебя зовут?

— Мия.

— Хорошо, Мия. Продолжай.

И снова уткнулся в ноутбук, словно разговор был исчерпан, но Мия успела заметить, как его взгляд снова задержался на ней и от этого по коже пробежали мурашки.

Через десять минут она уже почти закончила. Осталось только забрать мусор и выйти. Мия наклонилась, подняла пакет, прижала его к себе и сделала шаг к двери.

В этот момент дверь кабинета резко распахнулась.

Внутри ввалился мужчина. Высокий, светловолосый, с растрёпанными волосами и мутным, стеклянным взглядом. От него резко пахло алкоголем виски и удушливым дорогим

парфюмом. В одной руке он держал два бокала, в другой бутылку, зажатую подмышкой.

— Эй, Итан, — громко сказал он, почти смеясь пьяным, заплетающимся голосом. — Хватит работать. Всё, закрыли. Ты слышишь меня? Мы закрыли эту сделку. Расслабься, чёрт возьми.

Он подошёл ближе и попытался захлопнуть крышку ноутбука, едва не опрокинув при этом бокалы.

— Да выпей со мной, — продолжал он, не унимаясь, размахивая бутылкой так, что жидкость плескалась через край. — Ты вообще понимаешь, что это миллионы? Мил-ли-о-ны. Новый рост, новый уровень. Ты должен это отметить, а не сидеть тут.

Итан даже не поднял головы. Его пальцы продолжали стучать по клавиатуре, лицо оставалось непроницаемым.

— Нейт, — сказал он холодно

— Давай потом.

Он наконец поднял взгляд и посмотрел на Мию.

— Ты закончила? — спросил он, и голос его смягчился

ровно настолько, чтобы это заметила только она.

Мия кивнула, всё так же прижимая к себе пакет.

Нейт заметил её только сейчас. Его мутный взгляд медленно прошёлся по ней сверху вниз — оценивающе. Он усмехнулся, облизнул губы, и эта усмешка была настолько мерзкой, что Мия невольно сделала шаг назад.

— А это ещё кто? — протянул он, растягивая слова. — Ты что, решил развлечься? Пока мы там отмечаем, ты тут себе игрушку нашёл? Или она у вас тут в комплекте идёт — уборка плюс ещё кое-что?

Он хохотнул своей пьяной шутке, громко, мерзко.

— Нейт, — сказал он жёстко. — Не носи чушь. Она работает. Оставь её в покое.

Он снова перевёл взгляд на Мию, и теперь в нём читалось что-то вроде извинения, хотя он не произнёс ни слова.

— Если закончила, можешь идти. И если будут проблемы, то ты знаешь, где мой кабинет.

Мия не стала переспрашивать. Не сказала ни слова. Про-

сто кивнула, развернулась и вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В коридоре было тихо.

Она шла быстро, почти бежала, не оглядываясь, но чувствовала кожей, что взгляд светловолосого всё ещё тянется за ней сквозь закрытую дверь. Оценивающий. Липкий. Грязный. Такой, от которого хотелось ускорить шаг и как можно скорее исчезнуть из этого места. Мия собрала пакеты, закинула синтезатор на плечо и вышла из здания.

Он защитил её. — подумала она, и невольно закусила губу.

Она прокручивала в памяти тот момент, его глаза тёмные, глубокие. В них не было ни жестокости, ни высокомерия только что-то, что заставило её сердце биться быстрее.

Он защитил её не потому, что должен был, а потому что посчитал нужным. В этом было что-то... настоящее.

Почему тогда мисс Роуз говорила о нём с таким презрением? Почему предупреждала держаться подальше. Ведь именно он оказался единственным, кто сегодня встал между ней и двумя пьяными людьми, которые смотрели на неё не как

на вещь, а как на человека.

А если бы он не вышел?

Тот, второй, светловолосый, с мутным взглядом и грязными шутками, был отвратителен с первой секунды. Грубый, самодовольный, позволявший себе слова, которые не имел права произносить. И судя по тому, как он говорил, как вёл себя, как смотрел на неё, это и был тот самый партнёр про которого говорила мисс Роуз. Человек, от которого хотелось держаться как можно дальше, бежать без оглядки, спрятаться.

А Итан...

Она тихо произнесла его имя одними губами, сама не заметив этого. Итан. Итан не сделал вид, что ничего не происходит.

Может быть, мисс Роуз ошибалась.

Может быть, она просто видела оболочку — холодную, неприступную, резкую.

Может быть, за этим резким тоном и стальным взглядом было что-то другое.

Что-то, чего Мия не могла объяснить словами, но чувствовала каждой клеткой своего тела.

Глава 5

Когда дверь кабинета закрылась, Нейт ещё несколько секунд смотрел ей вслед сквозь стекло, облизнув губы с таким видом, будто только что попробовал что-то вкусное и теперь смакует послевкусие. Затем усмехнулся и не скрывая пьяного, развязного тона, бросил:

— Хороша! Я бы её трахнул. Мне нравятся такие скромные, тихие, — он растягивал слова, смакуя каждое. — Они обычно лучше всех в постели. Знаешь, эта фигня с невинностью, с дрожью... Зажмуривается, кусает губу, но трепещет вся, как птичка в руках. Обожаю это чувство. Когда они сдаются. Когда ломаются под тобой.

Он хохотнул, довольно, грязно, и посмотрел на Итана, ожидая реакции.

Итан усмехнулся в ответ — криво, через силу, но усмехнулся.

— Да уж... — протянул он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Жаль, что с таким каменным лицом.

Он сам не понял, зачем это сказал. То ли чтобы подыграть

Нейту, то ли чтобы убедить самого себя, что всё нормально.

Нейт довольно хмыкнул, опустился в кресло, поставил бутылку виски на стол и долил бокал до самого края, так что жидкость едва не переливалась через край. Протянул его Итану. Они чокнулись, Итан сделал большой глоток, чувствуя, как обжигающая жидкость разливается по телу.

— Эй, — Нейтон прищурился, глядя на него с пьяным, довольным прищуром. — Сегодня можно позволить себе всё, чёрт возьми. Даже не верится, что мы эту сделку закрыли. Ты представляешь, сколько теперь бабла пойдёт? — он потер руки, предвкушая. — Поехали в Black Veil. Отметим как следует. Оплачу тебе двух или даже трёх шлюх. Выберешь сам. Блондинок, брюнеток, рыжих каких хочешь. Я сегодня щедрый.

Он хлопнул Итана по плечу, и Итан поймал себя на масле что снова плывёт по течению, которое задаёт Нейт.

— Ладно, поехали, — сказал он

— Нам и правда есть что отпраздновать.

Ночь была длинной, липкой от алкоголя, густого дыма и сладковатого запаха дорогих духов, смешанных с потом. Итан и Нейтан сидели в глубоком кожаном диване в приват-

ной комнате «Black Veil». Виски сделал своё дело — снял напряжение, развязал язык, разогнал кровь, превратил остатки совести в желеобразную массу, которая уже не мешала. Итан, обычно сдержанный, холодный, теперь откинулся на спинку и устало, мутно смотрел на девушек, что крутились рядом. Нейт развалился на диване, на его коленях уже сидела миниатюрная блондинка в одних кружевных трусиках, и он грубо, властно ласкал её шею, сжимал пальцами так, что она морщилась, а другой рукой бесстыдно лапал её грудь.

— Соси, — бросил он ей, и девушка послушно наклонилась, расстёгивая его ширинку.

Вокруг Итана, покачивая бёдрами, танцевали две девушки. Одна в кожаном корсете, который больно врезался в тело, оставляя красные полосы на бледной коже, другая в полупрозрачной сетке, сквозь ячейки которой откровенно проступали тёмные соски. Их руки скользили по его груди, животу, цеплялись за ремень, спускались ниже, поглаживая через ткань брюк.

Его взгляд был мутным, тяжелым и тут в комнату скользнула блондинка — длинные светлые волосы, миниатюрная фигура. Он махнул рукой, отгоняя остальных. Только она.

Голубые глаза смотрели на него с наигранной невинностью. Он пьяным взглядом вглядывался в её лицо — длинные светлые волосы, пухлые губы, то, как она закусывала нижнюю. Пальцы сжали её подбородок, мир двоился. Она медленно села на него, игриво улыбнулась, затем взяла его палец в рот, провела языком по основанию.

Одновременно её бёдра задвигались на нем медленно, плавно. Член отозвался мгновенно и рвался из брюк, и он прижал её бёдра к себе, сильнее, не отрывая взгляда от её лица.

Утром Итан проснулся от дикого гула в голове и адской сухости во рту, будто туда насыпали песка. Язык едва ворочался, горло саднило. Он повернулся на огромной круглой кровати, заляпанной пятнами от пролитого вина и ещё бог знает чего.

Рядом, спиной к нему, спала одна девушка. Её длинные светлые волосы растрепались по подушке спутанным комом. На спине, вдоль позвоночника, красовались свежие царапины — его следы, его ногти. Он смотрел на нее и не чувствовал ничего, кроме тупого, тяжёлого безразличия.

Комната отеля выглядела как поле боя. Кругом валялись разбросанные бутылки — пустые, полупустые, опрокину-

тые. Смятые пачки денег, рассыпанные по полу купюры, к которым никто не притронулся. Использованные презервативы. Скомканная одежда, чьи-то туфли, пачка сигарет, рассыпанная по ковру, и пепел везде — на простынях, на подушках, на голом теле одной из девушек.

Сейчас, сквозь похмельную, раздражающую боль, это зрелище вызывало в нём не стыд, не отвращение, а только усталое, циничное удовлетворение. Так и должно быть. Так живут победители. Так он должен жить.

Он выбрался из кровати, ноги заплетались, голова кружилась. Нашёл на полу штаны, в кармане нащупал зажигалку и закурил, жадно затягиваясь, чтобы хоть как-то заглушить тошноту.

Нейт храпел, открыв рот, на диване, рядом с брюнеткой в его же рубашке. У неё разъехали ноги, и было видно всё, но никому не было до этого дела. Нейт даже во сне продолжал сжимать её грудь на автомате. Чуть поодаль, свернувшись на кресле, спала рыжая — её длинные волосы рассыпались по подлокотнику, платье задралось почти до талии, но она даже не шевелилась.

Итан налил себе остатки виски из ближайшей бутылки, сделал глоток и скривился, но алкоголь хоть немного прочи-

стил голову, сбил остроту похмелья. Он сел в кресло у окна, глядя на просыпающийся город за стеклом, и сделал глубокую затычку. Дым щипал глаза.

Через некоторое время Нейт зашевелился, закричал, приподнялся на локтях: сонный, опухший, с красными глазами. Он потянулся так, что хрустнули позвонки, разминая затёкшую шею.

— Голова трещит... Налей мне тоже, а? — прохрипел он, сплюнув вязкую слюну на ковёр.

Он посмотрел на кровать, где валялись девушки, и на его опухшем, помятом лице медленно расплзлась ухмылка — мерзкая, довольная, собственническая.

— Да... Вчера было весело. Особенно когда эта рыженькая решила устроить нам шоу на столе. Помнишь, как она извивалась? Аж слюни текли смотреть. Хорош, дружище. Держи пять.

Итан хлопнул его по ладони. Хлопок получился вялым, но Нейту хватило.

— Сегодня я на работу не поеду, — заявил Нейт, наливая себе ещё виски прямо в грязный бокал, не глядя, плеснув

мимо на стол. — Вызову врача, пусть капельницу поставит, а то сдохну к чёртовой матери. Ты как? Твоя красотка ночью не вымотала? Я слышал, у вас до самого утра возня была.

— Что-то вроде того, — хрипло усмехнулся Итан, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя внутри было пусто и гадко.

— Ладно, — Нейт откинулся на спинку дивана, довольно жмурясь. — Закажем тут завтрак, кофе, пожрём нормально. А вечером... — он многозначительно поднял палец, — может, повторим? Я узнал, тут есть пара близняшек. Настоящих, не поддельных. Говорят, дико синхронно работают. Если одну трахаешь, вторая кончает. Представляешь? — он заржал, довольно, грязно.

Итан криво усмехнулся.

— Как-нибудь повторим, — сказал он, чокнувшись с Нейтом оставшимся в бокале виски. Стекло жалобно звякнуло. — Но сначала надо в порядок прийти. Чувствую себя как последнее дерьмо. Всё болит.

Он потянулся к телефону. На экране — несколько пропущенных от Артура из безопасности. «Косяки с шифрованием, призрачные сигналы». Итан фыркнул. Повод как повод.

Реальность, скучная и требовательная, властно стучалась в дверь.

— Смотри, — он показал экран Нейту. — Артур паникует. Надо в офис, разгребать этот бред.

— Серьёзно? Сейчас? — Нейт скривился, недовольно ковыряя в зубах. — Ты только посмотри на этот бардак. Наследили тут знатно.

— Ага. Слушай, закажи тут уборку, — Итан обвёл пальцем комнату, уставленную свидетельствами их ночного разгула, — Я в душ.

Под струями почти холодной воды он чувствовал, как похмелье понемногу отступает, сменяясь знакомой собранностью. Вышел, вытерся грубым полотенцем, надел чистую рубашку. В гостиной уже пахло кофе. Нейт что-то говорил в телефон, заказывая клининг, попутно шлёпая проходящую мимо, уже одетую блондинку по заднице. Девушки потихоньку приходили в себя, собирая свои вещи с неловким, деловым видом.

— Всё под контролем? — спросил Итан.

— Как всегда, — буркнул Нейт, вешая трубку. — Уберут, проветрят, вынесут весь этот... мусор. Езжай, спасай наши миллионы.

Итан кивнул и вышел. В лифте он потянулся, чувствуя, как ноют мышцы спины и пресса. Воспоминания о вчерашнем всплывали обрывками: смех, чужие губы на его коже, вкус виски и женского тела, хриплый стон в полумраке. Машина завелась с тихим рокотом. Он выехал на улицу, включил музыку на полную громкость, голова ещё раскалывалась, но мир снова был на своём месте, сейчас пора решать вопросы.

Итан зашел в свой офис, и тяжелая стеклянная дверь бесшумно закрылась за ним, отсекая суету открытого пространства. Он остановился на мгновение, глядя сквозь тонированное стекло стены, которое превращало его кабинет в аквариум для наблюдения. Стекло было матовым снаружи, непроницаемым — никто из ста с лишним сотрудников, копошащихся за мониторами в опенспейсе, не мог видеть его фигуру в полумраке кабинета, но он видел их всех. Видел мерцание экранов, суетливые движения, склоненные головы.

Это зрелище на секунду заворожило его. Он помнил, как начинал с Нейтом в одной комнате, чуть больше кладовки, с двумя столами и одной на всех кофеваркой. А теперь...

Он медленно провел ладонью по холодному стеклу. Теперь это империя, которую они выстроили, но в этой империи у каждого была своя роль. Итан прекрасно это знал. Ней-

тан был тем, кто умел договариваться — с клиентами, с инвесторами, с теми, кто не верил в них на старте. Он проникал в любые двери, очаровывал, убеждал, продавал. Без его обаяния, без его умения входить в доверие и выбивать контракты ничего бы не было. Именно Нейтан нашел первые инвестиции, именно он разруливал конфликты, именно его помнили в лицо все нужные люди. Если бы не Нейтан, деньги бы просто не пришли.

Но если Нейтан был душой и голосом их дела, то Итан был его мозгами. Он сидел ночами, выстраивая логику, просчитывая риски, создавая структуру, на которой всё держалось. Пока Нейтан улыбался и пожимал руки, Итан продумывал стратегии, находил решения там, где другие видели тупик. Они дополняли друг друга — идеальный тандем. Один без другого не вывез бы. Итан это понимал, принимал и... иногда ненавидел.

Он развернулся, сбросил пиджак на спинку кресла, сел за массивный стеклянный стол. Размял плечи, открыл ноутбук, и экран озарил его лицо холодным синим светом. Работа поглотила его мгновенно, день пролетал в монотонном гуле. Артур из отдела безопасности заходил дважды. Они обсуждали «призрачные сигналы» и «косяки с шифрованием» — технический бред, который, однако, мог стоить им миллионов и репутации. Итан слушал, задавал вопросы, его мозг,

несмотря на похмелье, работал как отлаженный механизм, отфильтровывая панику от реальных угроз. После ухода Артура снова были звонки, видеоконференции, бесконечные строки цифр и финансовые модели. Он погрузился в работу, забыв о времени, еде и собственной усталости, лишь изредка прикладываясь к бутылке минеральной воды.

И вот он поднял голову, чтобы дать отдых затекшей шее, а за панорамным окном его кабинета, занимавшим всю стену, горел ночной город. Он машинально взглянул на часы на стене. Черт. Половина первого ночи.

Голова все еще гудела тихим, надоедливym фоном, отголоском вчерашнего разгула, Итан потянулся к нижнему ящику своего стола, где обычно стоял виски. Открыв его, он увидел лишь пустую бутылку. Черт. Нейт, — мелькнула у него мысль с легким раздражением, разумеется, Нейт все прикончил или увез с собой для продолжения «праздника».

Он вышел из кабинета в полумрак опенспейса, направляясь к кухне. Там точно должен быть виски.

Под тусклым дежурным светом, оставленным для уборки, офис казался сюрреалистичным, безжизненным пространством. Приближаясь к островку света на кухне, он уже издали увидел ее. Мию.

Она стояла спиной к нему, у раковины, сосредоточенно мыла посуду, что-то напевая себе под нос. Итан остановился в нескольких шагах, дав себе мгновение, чтобы просто посмотреть.

Его взгляд машинально скользнул по ее фигуре с холодной, чисто мужской оценкой, от которой не мог удержаться ни один мужчина в подобной ситуации. Длинные, стройные ноги, которые не мог скрыть даже рабочий фартук. Изящная шея, открытая взгляду, с нежной кожей, которую хотелось коснуться хотя бы кончиками пальцев. Тонкая, почти хрупкая талия, такая узкая, что, казалось, её можно было обхватить двумя ладонями. И довольно, соблазнительная линия бёдер, которую бесстыдно подчеркивали узкие джинсы, обтягивающие каждую линию, каждый изгиб.

Длинные светлые волосы были убраны в дурацкий, слегка растрепавшийся хвост, от которого по шее спускались несколько выбившихся прядей. Ему вдруг остро захотелось распустить их, провести пальцами по этим светлым волосам, почувствовать их аромат.

Он поймал себя на том, что смотрит слишком долго. Слишком пристально. Слишком жадно. И резко нарушил тишину.

— Принеси виски. В мой кабинет.

Голос прозвучал низко, неожиданно громко в этой тишине, и Мия вздрогнула всем телом, будто её ударили током. Тарелка буквально выскочила у неё из рук.

Итан среагировал мгновенно поймав тарелку.

Он протянул ее обратно, и в этот момент их взгляды встретились впервые так близко — на расстоянии вытянутой руки.

Он смотрел в её голубые широко распахнутые глаза.

— Прости, если испугал, — произнёс он тихо. Всё ещё держал тарелку между ними, и их пальцы почти соприкоснулись.

— Принеси виски в мой кабинет, — повторил он. — И не забудь лёд.

Он уже разворачивался, делая первый шаг в сторону своего кабинета, но не удержался и бросил через плечо:

— Если ты здесь закончила — зайди, надо убраться в моем кабинете.

Его массивная, уверенная фигура растворилась в полумраке открытого пространства, а затем окончательно скрылась за стеклянной стеной его кабинета, где зажётся холодный свет монитора.

Мия вошла в кабинет через несколько минут. В её руках был небольшой поднос она несла его осторожно, стараясь не расплескать, не уронить. Она неуверенно поставила поднос на стеклянный стол рядом с ним.

Он смотрел на неё.

Она не поднимала глаз.

Поставила бутылку виски, рядом стакан со льдом, где кубики уже начали подтаивать, покрываясь мелкой сеткой трещин.

И принялась за уборку.

Он налил виски, сделал глоток, и снова погрузился в экран, будто её здесь не было.

Но она чувствовала.

Периодически она ощущала на себе его взгляд: тяжёлый,

изучающий, прожигающий одежду, проникающий под кожу. Он скользил по её спине, по талии, по бедрам, но всякий раз, когда она решалась на него посмотреть, его глаза были прикованы к монитору, будто ей всё лишь показалось.

Или не показалось....

Она быстро закончила, собрала мусор в пакет, завязала его и уже взялась за ручку двери, чтобы выйти, но остановилась, закусила губу.

— Спасибо, что тогда заступились, — сказала она вполголоса, почти шёпотом.

Он не поднял глаз от монитора. Спросил ровным, ничего не выражающим тоном:

— Были ещё подобные инциденты?

Она покачала головой, хотя он не мог этого видеть.

— Всё в порядке.

Он молчал. Давая понять, что разговор окончен.

Она вышла, закрыв за собой дверь и взглянула на часы:

почти два часа ночи. Она с трудом подкатила тяжёлую тележку с инвентарем к кладовке, забрала свою сумку, надела пальто и стала торопливо застегивать пуговицы, наспех накидывая шарф, что бы успеть на метро.

В этой суматохе край шарфа зацепился за хвост, и резинка соскользнула, освобождая длинные белокурые волосы.

Мия вздохнула, поставила пакеты с мусором на пол, нагнулась, подняла резинку с пола и, зажав её в зубах, принялась снова собирать непослушные пряди. Длинные волосы рассыпались по спине водопадом, струились сквозь пальцы. Она запрокинула голову, с трудом управляясь с прядями, которые так и норовили выскользнуть, упасть обратно на плечи, касаясь шеи, щекая кожу.

И тут за её спиной прозвучал его голос.

— За стеной, у входа в архив, есть зеркало. Так, наверное, было бы удобнее.

Он сделал паузу.

— Хотя распущенные волосы пошли бы тебе больше.

Он проходил мимо неё близко, слишком близко, — явно

направляясь за новой порцией льда на кухню.

— Внизу ждёт такси. Назови свой адрес. Всё запишут на счёт компании.

— Не стоило, правда... — начала она, поворачиваясь, но его уже не было — он скрылся в дверях кухни.

— На улицах опасно, — донёсся его голос.

Она взяла пакеты с мусором, прижимая их к себе. Он вышел из кухни с полным стаканом льда, прошёл мимо, обратно в кабинет, не удостоив её больше взглядом.

В такси сердце колотилось ещё сильнее.

Она откинулась на сиденье, закрыла глаза, но в голове снова и снова возникал он. Его лицо. Его глаза. Его голос, сказавший: «Распушенные волосы пошли бы тебе больше».

Он снова был добр к ней. Вызвал такси, чтобы она доехала безопасно. Сказал комплимент — или ей только показалось? А его взгляды... она была почти уверена, что он смотрел на неё, пока она убиралась. Что он рассматривал её, изучал, запоминал.

«Мия, что с тобой, — строго сказала она себе, глядя на мелькающие за окном огни ночного города. — Он просто вежлив. Не более. Просто вежлив».

Но сердце не слушалось. Оно билось быстрее, когда она вспоминала его голос. Оно замирало, когда она думала о его взгляде. Оно предательски таяло, когда она вспоминала, как близко он стоял.

Глава 6

Дни текли медленно, каждый был похож на предыдущий. Звонок от мистера Харрисона раздался в среду утром и окончательно похоронил все ее надежды окончательно.

— Дорогая Мия, на восстановление театра уйдёт больше года, его голос звучал устало и апатично, будто он говорил не с ней, а в пустоту. — Весь сезон официально переносится. Сейчас, в разгар, найти другую подходящую площадку, а тем более с такой акустикой, подготовить новые декорации под размеры сцены... — он тяжело вздохнул, и в трубке слышался скрежет зажигалки, щелчок и глубокая затяжка. — Просто невозможно.

Она слушала, сжимая телефон, а в горле стоял ком.

— Я понимаю, — выдохнула она, хотя не понимала ничего. Совсем ничего.

— Мия, извини, но пока для тебя совсем ничего нет, — продолжал он.

— Я сам в подвешенном состоянии. Но обещаю: если что-то проявится, позвоню сразу же. Ты очень талантлива, и я это помню.

— Спасибо, мистер Харрисон, — прошептала она и отключилась, не в силах больше слышать эти утешительные, пустые слова, которые ничего не меняли.

Телефон тут же завибрировал снова — мама.

Мия смотрела на экран долго. Слишком долго. Звонки матери она старалась сбрасывать. Писать сообщения было проще. Она быстро набрала короткое: «Работаю. Всё в порядке. Много репетиций».

Лгать было проще. Она знала, что скажет. Знала каждый ответ. Ложь давно стала привычкой, единственным способом не рассыпаться.

Её спасала работа только работа в оркестре. Ребята были отличными, увлечёнными, живущими музыкой так же, как она. Она быстро влилась в их компанию, перестала быть чужой. Особенно сдружилась с Джеком, скрипачом с ироничным прищуром и вечно растрёпанными светлыми кудрями, который вечно подшучивал над ней, но делал это так тепло, что обижаться было невозможно. Именно он как-то после репетиции, когда все уже расходились, предложил: «Слушай, а что, если разбавить нашу вечную классику и попсу чем-то... глубже? Своим?» Они стали просиживать вечера в

пустом зале, экспериментируя. Мия писала основу на синтезаторе, Джек придумывал партии для струнных, и постепенно рождалось что-то новое, современное, эмоциональное, их собственное. Выступления с этими вкраплениями стали вызывать особый отклик у публики. Билеты теперь раскупались за несколько дней, хотя платили в оркестре по-прежнему скромно.

Дни летели незаметно. Днём репетиции с оркестром, где маэстро Грегор, оценив её вклад, доверил ей целых две небольшие сольные партии в новых аранжировках. Она выкладывалась полностью, и чувство, когда зал замирал, слушая её мелодию, стоило всех переживаний. Вечерами выступления, а ночами... смены. Когда было свободное время она писала. За окном стояла зима, падал пушистый снег, застилая город белой тишиной, Мия вдохновлялась этой атмосферой такой холодной, чистой, немного печальной. Музыка лилась из неё особенно легко именно в такие дни.

Но самые яркие, самые трепетные и одновременно тревожные фрагменты рождались после ночных смен в офисе, где она видела Итана. Одна его случайная фраза, брошенный мимоходом взгляд, мимолётное движение и в голове уже звучали новые аккорды, полные невысказанного напряжения и скрытой силы, такой же тёмной и глубокой, как его глаза.

Она стала откровенно ловить себя на мысли, что ждёт

этих смен, что считает часы до полуночи. Даже с радостью подменяла миссис Роуз, когда та, вечно уставшая, с синяками под глазами, просила об одолжении. «Спасибо, дорогая, ты меня выручаешь!» , а Мия лишь улыбалась в ответ, скрывая истинную причину своей готовности. Скрывая даже от самой себя.

Единственное, чего она по-настоящему боялась и старалась избегать, — это Нейтан.

Миссис Роуз оказалась права. Он был откровенно мерзким типом. От него постоянно пахло виски и приторным одеколоном от которого её тошнило ещё до того, как он появлялся в поле зрения. Он мог задержать на ней взгляд, который буквально ощущался кожей, оставляя после себя невидимую, но осязаемую грязь. Он не просто смотрел — он «ощупывал» её взглядом, начиная с лица и медленно, намеренно медленно опускаясь ниже, останавливаясь на груди, на бёдрах, на том, что было скрыто одеждой, с откровенным, наглым интересом, даже не пытаясь сделать вид, что не смотрит.

Когда она мыла низкие полки, слегка нагибаясь, он мог пройти мимо и, почти не шевеля губами, бросить так, будто размышлял вслух, проверяя, услышит ли она: «Вот это задница... Я бы её трахнул». Шёпот был едва слышным, но

Мия слышала каждый мерзкий слог, каждую интонацию, и слова впивались в неё, как раскалённые иглы, как занозы под кожей. Формально он не делал ничего такого — не прикасался, не угрожал, даже не обращался прямо к ней, но эти взгляды, эти фразы, брошенные в пустоту, были обволакивающе-грязными, двусмысленными, рассчитанными на то, что она услышит и поймёт, они оставляли после себя чувство осквернённости, от которого хотелось срочно вымыться. Мия научилась мгновенно уходить в тень, едва услышав его голос или тяжёлые, нетрезвые шаги по коридору.

Но Итан... Итан был другим.

Его присутствие не давило, а заряжало странным, тревожным электричеством, от которого по коже бежали мурашки, а сердце начинало биться быстрее, громче, отчаяннее. Он никогда не позволял себе ничего лишнего, но его молчаливое внимание было весомее всех грязных намёков Нейтана. Она ловила себя на том, что в его присутствии старается двигаться плавнее, грациознее, прямее держать спину, поправляет волосы, сама того не замечая.

И ждала. Ждала его взгляда.

Иногда ей даже казалось, что он смотрит на неё из-за тонированного стекла своего кабинета, когда она протира-

ет столы в опенспейсе, когда наклоняется за мусором, когда просто стоит, задумавшись. Она быстро отводила глаза, сердце учащённо стучало, а потом она долго анализировала: показалось или нет? Но в памяти оставалось тепло этого возможного взгляда, которого ей так отчаянно хотелось. Которого ей так не хватало.

Сегодня у Мии было редкое, почти забытое ощущение лёгкости.

Выступлений с оркестром стало больше, и в этот вечер они впервые сыграли ту самую партию, которую она написала вместе с Джеком. Небольшой фрагмент, аккуратно вплетённый между известными темами, — не дерзко, не напоказ, а так, будто он всегда там был, будто звучал всегда, просто никто не замечал.

Когда прозвучали последние ноты, зал на секунду замер в полной, абсолютной тишине, которая страшнее любых аплодисментов. А потом разразился овациями.

Мия поймала себя на том, что улыбается. Широко, открыто, по-настоящему.

Она никогда не мечтала играть чужую музыку, но эта партия была её. Маленькая, хрупкая, но настоящая.

— Мия, ты молодец, — сказал Джек, помогая ей убраться стойку и улыбаясь своей привычной, тёплой улыбкой. Он был милым, интересным, всегда готовым поддержать, предложить помощь, не навязываясь. Он смотрел на неё особенно тепло, подолгу задерживая взгляд, и Мия понимала: он проявляет интерес, ждёт хоть какого-то знака, но рядом с ним она не ощущала ничего. Ни трепета, ни волнения, ни той странной, щемящей пустоты в груди, которая появлялась, когда рядом оказывался Итан. Тот, кто не улыбался, не предлагал помощи, тот, чей взгляд скользил по ней, заставляя сердце биться чаще, а дыхание сбиваться, тот, чей запах она ловила в офисе, даже когда его не было рядом.

— Спасибо тебе, — ответила она, закрывая футляр синтезатора. — Без тебя бы не вышло.

— Подвезти? — предложил он, уже надевая куртку и поправляя шарф.

Она покачала головой.

— Нет, спасибо. Мне на работу. Это в центре, — сказала она мягко, стараясь не давать ложной надежды.

— Тогда до завтра, — сказал Джек, заметно расстроив-

шись.

— До завтра, — она похлопала его по плечу.

Настроение было приподнятым, почти праздничным. Она приложила ключ-карту и сразу прошла в кабинет — оставила синтезатор там, чтобы не привлекал лишнего внимания. Приехала чуть раньше смены. Офис встретил её тишиной: ни шагов, ни голосов, только приглушённый свет и ровное гудение вентиляции.

Мия прошлась по этажу, быстро оценивая объём работы. Сегодня было чисто. Почти подозрительно чисто. Она прикинула, что управится чуть больше чем за час, и это приятно удивило.

Вот литературный, плавный вариант без сокращений:

Она поймала себя на коротком, почти незаметном разочаровании и тут же одёрнула. Начала протирать столы, собирать мусор, зашла на кухню и удивилась: посуды было совсем немного, всего несколько стаканов да пара тарелок. Включила воду, принялась мыть, а мысли сами собой унеслись куда-то далеко. Интересно, что он сейчас делает? Где он? Ду-

мает ли о ней? В голове возник его образ: широкие плечи, тот самый взгляд, который она так часто замечала на себе. Она закусила губу, продолжая тереть кружку, а образ всё стоял перед глазами и постепенно начал превращаться в музыку.

Она вытерла руки, схватила блокнот и принялась набрасывать ноты: быстро, торопливо, боясь упустить. Принесла синтезатор, открыла его прямо на кухне.

Пальцы сами потянулись к клавишам. Музыка рождалась из того чувства, которое он в ней вызывал, из того, что нельзя объяснить словами, но можно сыграть. Сердце колотилось, она улыбалась, записывая ноты и боясь не успеть за собственными мыслями.

— Ты мешаешь мне работать, — вдруг раздалось у неё за спиной.

Она вздрогнула и резко обернулась. В дверном проеме кухни стоял Итан — в рубашке с расстегнутым воротом, без пиджака.

Мия замерла.

— Но музыка... красивая, — он сделал небольшую паузу, взгляд скользнул по синтезатору. — Кто это?

— Я просто... думала, никого нет. Я не хотела... просто синтезатор, я после выступления... — она судорожно путала слова, чувствуя, как горят щёки.

— Музыка, — повторил он, чётко и без эмоций. — Чья она?

— Это моя... моя музыка. Буквально только что... мелодия родилась, — она выдохнула. — Поэтому я решила записать её.

— Я композитор, — вдруг сказала Мия, поправляя сбившуюся прядь волос за ухо.

Он посмотрел на неё, и в его тёмных глазах мелькнуло что-то нечитаемое.

— Композитор?

Итан молча смотрел на неё несколько секунд, затем слегка кивнул, будто поставил в голове какую-то галочку.

Но вместо того чтобы уйти, он подошёл к шкафу, вытащил виски, налил в стакан. Затем, к её изумлению, сел напротив за стол, откинулся на спинку стула и уставился на неё своими

тёмными глазами.

— Сыграй мне, — тихо сказал он.

— Но мелодия... она не закончена, — ответила Мия, нервничая.

Он смотрел на неё, не отрываясь.

Она сделала глубокий вдох, положила пальцы на клавиши и начала играть — не запланированную мелодию, а то, что рождалось здесь и сейчас.

Ноты лились из её души — сначала робко, потом увереннее, наполняя кухню светом и какой-то щемящей глубиной. Она играла не пальцами, а сердцем, вкладывая в звуки всё, что не решалась сказать ему словами.

Он не отводил взгляда. Смотрел внимательно, изучающе. Но не на её лицо его взгляд был прикован к её рукам, к быстрым, точным движениям пальцев по клавишам, к тому, как её запястья изгибались, вкладывая в музыку чувство.

Когда она закончила, он сказал, глядя ей в глаза, не отрывая взгляда:

— Это... ты написала?

— Да, — прошептала она, поднимая на него взгляд.

Их глаза встретились. На этот раз она не отвела взгляд сразу. В его тёмной глубине что-то шевельнулось.

— У тебя хорошее чувство паузы, — сказал он наконец. Голос оставался низким, но уже без прежней резкости. — Только тебе не хватает завершённости. Ты обрываешь мысль в тот момент, когда она становится слишком личной. Будто боишься сказать то, что хочешь.

Он посмотрел ей прямо в глаза, словно проверяя, поняла ли она.

Она молчала.

Он взял стакан и поднялся.

— Можешь идти. У меня сегодня уборка не нужна.

Он уже направился в кабинет.

— Такси будет ждать внизу, — бросил он через плечо, не оборачиваясь, и скрылся в коридоре.

Звук его шагов растворился где-то в глубине офиса. Мия осталась сидеть за столом, не сразу осознавая, что музыка давно смолкла, а пальцы всё ещё лежат на клавишах.

Сердце всё ещё билось неровно, будто она только что закончила выступление перед полным залом. Только зала не было. Был он. И этого оказалось достаточно.

«Ты обрываешь мысль, когда она становится слишком личной».

Фраза всплыла в голове снова, отчётливо, без интонаций. Она поняла, что именно это и задело сильнее всего. У лифта она остановилась на секунду, словно ожидая, что он выйдет снова. Но ничего не произошло.

Внизу её действительно ожидало такси.

Она назвала адрес и откинулась на спинку сиденья. За окном проплывали огни, отражаясь в стекле размытыми полосами. Город казался далёким, нереальным, будто существовал отдельно от неё.

Она думала о том, что он услышал её музыку. И почему-то это было невероятно важно для нее.

Глава 7

Утро началось с ледяного душа и безупречного костюма. Итан стоял под обжигающе-холодными струями, чувствуя, как вода смывает остатки вчерашнего виски, оставляя только холодную, расчётливую ясность. Он тщательно выбрил подбородок, завязал галстук идеальным узлом, надел дорогие запонки, костюм сидел идеально. Он ехал на встречу с венчурными партнерами, мысленно прокручивая цифры, прогнозы, уязвимые места, возможные возражения и ответы на них.

Конференц-зал находился на пятидесятом этаже небоскрёба «Скайлайн Плаза» — одной из самых высоких и престижных деловых башен города. За огромным столом уже собрались все ключевые фигуры: инвесторы с непроницаемыми лицами, директора фондов, партнёры по будущей сделке. Итан стоял во главе стола, перед ним мерцал экран с презентацией, пульт от проектора зажат в пальцах — он был готов начать ровно в назначенное время. Нейт явился за минуту до начала: в дорогом, но мятом костюме, пиджак расстёгнут, галстук завязан наспех, от него несло перегаром и дорогим одеколоном, который лишь подчеркивал вчерашний кутеж, а не скрывал его. Итан встретил его взгляд — наглый, уставший, полный вызова и одновременно какой-то пьяной, са-

моуверенной бравады и тут же отвёл, сфокусировавшись на экране с презентацией. Не время. Сейчас только дело.

Итан вёл встречу. Его голос был ровным, стальным, без единой лишней интонации. Он видел, как партнёры, сначала скептические, с холодными, оценивающими взглядами, постепенно склоняли головы, в их глазах зажигался огонь алчности, предвкушение будущей прибыли. Нейт сидел, развалившись в кресле, закинув ногу на ногу, изредка вставляя хриплые, самоуверенные реплики, которые, к удивлению Итана, иногда попадали в самую точку, сбивая с толку своей грубой прямолинейностью, разбивая защиту оппонентов. Но фокус был на Итане. И когда глава фонда, седовласый мужчина в очках в тонкой оправе, снял их, медленно протянул руку через стол и сказал: «Вы меня убедили, господин Уест. Мы в деле», — победа ударила в кровь сладким, почти болезненным адреналином. Сделка закрыта. Очень крупная сумма. Очень серьёзные игроки.

Они вышли на улицу.

— Видел их рожи? — заорал Нейт, не стесняясь прохожих. — Они глотали каждое твоё слово! Чёрт, это было красиво! Ты просто машина, Итан. Машина по уничтожению сомнений.

Итан лишь кивнул, закуривая. Глубоко затянулся, чувствуя, как никотин смешивается с адреналином, создавая тот самый коктейль, который он любил больше всего вкус победы.

Нейт закурил рядом, жадно затягиваясь, и вдруг повернулся к нему, прищурившись на солнце.

— Знаешь, — начал он, выпуская дым в сторону и довольно щурясь на солнце, — ты сегодня был просто зверем. Я смотрел на тебя и прямо гордость брала.

Нейт затянулся, выпустил дым колечком и добавил с лёгкой, дружеской интонацией:

— Так что благодари меня, брат. Я твой личный ангел-хранитель, только с яйцами и без крыльев. — Он засмеялся своей шутке.

— Без меня ты был бы просто умным парнем с хорошим резюме, который работает на дядю за сто тысяч в год и мечтает о повышении до старшего аналитика. — Он усмехнулся, хлопнул Итана по плечу.

— Ладно, поехали отмечать. Ты заслужил. Я заслужил. Мы заслужили.

— Поехали.

Остаток дня прошёл в бешеном ритме: ещё две встречи с линейными партнерами в офисе, где Итан, уже без Нейта, давил авторитетом и только что полученной финансовой мощью, заставляя их соглашаться на менее выгодные для них условия. Он был неумолим, почти жесток в своей эффективности. Кабинет наполнялся тяжёлым запахом стресса и крепкого кофе.

А потом наступил вечер. Пятница.

Традиционная вечеринка после закрытия крупной сделки была легендарной и отвратительной. К семи вечера офис — огромный опенспейс с дизайнерскими светильниками и панорамными окнами превратился в филиал элитного ночного клуба. Грохочущий техно-хаус, от которого вибрировали стёкла и пол под ногами, глушил любую возможность мыслить. Воздух стал тяжёлым от смеси запахов: приторных духов, пота, разгорячённых тел, пролитого алкоголя.

Бар, наспех сколоченный из двух сдвинутых рабочих столов и накрытый чёрной тканью, ломился от изобилия. Шампанское Dom Pérignon, односолодовый виски тридцатилетней выдержки соседствовал с водкой Grey Goose, запотевшие бутылки текилы Patrón, они открывались с громкими хлопками, пробки летели в сторону, и шампанское тут же

разливали по тонким бокалам, которые осушались залпом. Дорогие закуски — устрицы на льду, мраморный тартар на мини-тостах, крошечные бургеры с чёрной икрой были размазаны по столам, рассыпаны по полу, смешиваясь с лужами пролитого алкоголя, превращая ковровое покрытие в липкое месиво.

И женщины. Их было непропорционально много. Высокие, точеные фигуры на шпильках, в откровенных платьях из тонких тканей, которые больше напоминали бинты едва прикрывающие то, что должно быть скрыто. Студентки модельных агентств, которых привезли на нескольких чёрных внедорожниках, профессиональные «гости из клуба», подружки «на подхвате», готовые на всё за доступ в этот закрытый мир денег и власти. Они смеялись слишком громко, неестественно запрокидывая головы, их накрашенные глаза скользили по комнате, оценивая возможности, высматривая добычу пожирнее. Некоторые сотрудники, обычно зажатые айтишники в очках и с неловкими манерами, уже теряли берега окончательно: их потные руки ползали по обнажённым спинам, губы искали чужие губы в искусственном полумраке, который лишь изредка нарушали вспышки стробоскопов, выхватывающие из темноты то искажённое похотью лицо, то оголённую грудь, то чью-то руку, зажимающую купюру.

В углу, на глубоком кожаном диване, один из менеджеров

среднего звена тридцатилетний парень с тихой женой и новорождённым ребёнком, как знал Итан, — совершенно пьяный, нюхал кокаин со стеклянной поверхности журнального столика. Длинная дорожка, аккуратно свёрнутая купюра, резкий вдох. Рядом сидела девушка с фиолетовыми волосами и неестественно огромными губами, она помогала ему, придерживая за затылок, а потом слизывала остатки порошка прямо со стекла. Их смех был истеричным, глаза абсолютно стеклянными, пустыми.

Нейт был в своей стихии. Итан видел, как он, с бутылкой текилы в одной руке и блондинкой в другой, уверенно направился к стеклянному конференц-залу.

Не задерживая даже жалюзи, не обращая внимания на десятки глаз, он прижал девушку к огромному столу для переговоров. Одним резким движением задрал её короткое платье до талии, обнажая длинные ноги в кружевных чулках, и рванул тонкое кружево трусов, даже не пытаясь их снять.

Девушка опустилась на колени. Он взял её за голову, и её рот сомкнулся вокруг него. Он двигал её головой в нужном ему ритме — жёстко, глубоко, не давая ей передышки. Слюна стекала по её подбородку, она задыхалась, но он не останавливался.

Потом резко вытащил, грубо развернул и толкнул на стол, входя в неё сзади. Девушка вскрикнула, но он даже не замедлился, только сильнее сжал её бёдра. Он трахал её жёстко, ритмично, одной рукой сжимая её грудь, другой придерживая за затылок. Через минуту сквозь грохот музыки пробилась его хриплые, торжествующие возгласы и ее приглушённые, почти механические стоны.

Их отражения в тёмном стекле панорамных окон сливались в одно движущееся пятно — грязное, бесстыдное, почти животное. Никто не мешал. Кто-то останавливался, смотрел пару секунд, усмехался и шёл дальше. Это было частью вечеринки. Частью их мира, где деньги и власть отменяли любые приличия.

Через двадцать минут дверь кабинета Итана распахнулась от резкого толчка. Вошёл Нейт, рубаха вылезла из брюк и болталась с одной стороны, волосы были растрепаны. Он был пьян в стельку, но держался на каком-то диком адреналине.

— Сидишь тут, как пуританин на исповеди! — прохрипел он, шатаясь, и рухнул в кресло напротив. — Дай сигарету.

Итан молча протянул пачку. Нейт закурил, жадно, глубоко затягиваясь, а потом, ничуть не смущаясь присутствием

друга, расстегнул ширинку, поправил бельё и снова застегнул.

— Выпей со мной, чёрт возьми! — рявкнул он, наливая себе прямо из горла бутылки, стоящей на столе. — Мы боги сегодня! Мы закрыли сделку, которую никто не мог закрыть! Мы на вершине!

Итан сидел в своём кресле, спиной к панорамному окну, за которым горел огнями ночной город. В одной руке у него был тяжёлый хрустальный бокал с виски, в другой — тлеющая сигарета, пепел с которой он стряхивал прямо на пол, наплевав на идеальную чистоту, к которой привык. Он пил. Медленно, методично, бокал за бокалом. Наблюдал за адом, который сам же помог создать, за этой примитивной, животной разрядкой после адского напряжения последних недель. Он был рад победе. Горд собой. Чёрт возьми, он был на вершине.

— Ну? Чё молчим? — он подлил и Итану, щедро, через край. — Пей больше, расслабься! Ты сведешь себя как на похоронах, честное слово! Мы победили! Твоя, мать её, победа! Ты им там всем показал! — Нейт говорил это так, как будто только что выиграл Олимпиаду. — Ты должен орать от счастья! Мы теперь на вершине, Итан! На хрен на вершине!

Он откинулся в кресле, тяжело дыша, и уставился в потолок мутными глазами. Тишина длилась недолго — Нейт никогда не умел молчать.

— Ладно, давай за это выпьем, — снова потянулся он к бутылке. — За нас. За то, что мы сделали.

Они пили. Говорили о сделке, о будущих планах, о том, как теперь «разорвут» всех конкурентов. Речь Нейта становилась всё грязнее, шутки всё похабнее, он перескакивал с одного на другое, забывал, что говорил минуту назад, и начинал сначала. Он наливал снова и снова, настаивал, подливал, требовал, чтобы Итан пил с ним вровень.

Прошло несколько часов. Музыка в опенспейсе стихла. Основная толпа разбрелась: кто-то уехал на такси, кто-то валялся на диванах в отключке, кто-то бесследно исчез в подсобках и переговорных вместе со своими спутницами. Офис напоминал поле боя после оргии: разбитая посуда, груды мусора, лужи вина и шампанского на полу. Забытое нижнее белье, везде использованные презервативы.

И тут Итан увидел её.

Сквозь тонированное стекло, в тусклом свете аварийных ламп, он заметил движение. Мия. Она вошла в опенспейс,

остановилась как вкопанная, оглядывая хаос. На её лице было не выражение ужаса, а скорее глубокая, безмолвная усталость. Она вздохнула и осторожно начала пробираться между столами, собирая бутылки в мусорный мешок.

Итан не отводил глаз. Алкоголь сделал его зрение избирательным: общий хаос расплылся, а она была на удивление чёткой. Каждое движение. Изгиб спины, когда она наклонялась. Тот самый хвост, из которого выбивались пряди. Эти чёртовы джинсы, облегающие её, как вторая кожа. Он пил, наблюдая за ней, как за странным, грациозным животным, забредшим на территорию варваров.

— О-о-о, — сипло протянул Нейт, следивший за его взглядом. Он фыркнул, и его дыхание было густым коктейлем из виски и сигарет. — Чёрт, я бы тоже не отказался эту завалить. Смотри-ка, мышь ночная вылезла. А ты, я смотрю, запал? — Он хлопнул Итана по плечу, заливаясь хриплым, неприятным смехом.

Итан медленно отхлебнул виски. Голос его звучал глухо, с нарочитой небрежностью, которую диктовал алкоголь.

— Ты с ума сошёл. Просто... задница у неё что надо. И эти джинсы. — Итан поднял руку, и Нейт шлёпнул по ней своей ладонью — пьяный жест одобрения.

Нейт засмеялся, но в его смехе зазвучали презрительные нотки.

— Щенячьи глаза, Итан? Серьёзно? Глазами хлопаешь, чуть ли не слюни пускаешь. — Он откинулся в кресле, прищурившись. — Ты должен смотреть на неё как на мясо, а не как на икону.

— Нет, нет, — Итан отпил ещё, чокнулся бокалом с бутылкой Нейта. Он развязал и вовсе снял галстук, швырнув его на стол. — Просто глаз радует, вот и всё.

Они пили, наблюдая за ней. Нейт, подогретый виски, начал фантазировать.

— Стервозная, наверное, — хрипел он, прищурившись и облизывая губы. — Вся из себя невинная, глазки в пол, ручки сложены. Но я таких сразу вижу. Это самые голодные сучки. У них в голове одно, а снаружи — «ой, я не такая, что вы».

Он отхлебнул виски, смакуя не столько напитков, сколько собственные слова.

— Наверняка один паренёк у неё был, в каком-нибудь

задрипанном колледже. Ботаник какой-нибудь с прыщавым лицом, который боялся к ней прикоснуться. Держал за ручку, целовал в щёчку на ночь и считал это верхом отношений. — Нейт скривился в отвращении. — «Любовь до гроба», мать его. Секс под одеялом, в темноте, чтоб не дай бог не увидеть друг друга голыми. Миссионерская поза раз в неделю, по пятницам, строго после ужина. И она думает, что это и есть страсть.

Он захохотал — громко, мерзко, довольно.

— Представляешь? Она даже не знает, что можно иначе. Что можно жёстко, громко, так, чтоб стены тряслись. Чтоб потом ноги не держали. — Нейт посмотрел на Итана с пьяным, многообещающим прищуром. — А я бы ей показал. Я бы её так трахнул, что она бы все эти свои «невинные» мысли забыла нахрен. Она бы у меня под столом ползала и просила добавки.

Он откинулся в кресле, довольно ухмыляясь, и уставился на Мию сквозь стекло, как хищник на добычу. Цинизм, раздутый алкоголем и вседозволенностью, заполнил кабинет. Она была за стеклом, а они здесь, всемогущие, обсуждавшие её, как вещь.

— А что если... немного поиграем? — Нейт наклонился,

его глаза, налитые кровью, блеснули азартом и похабным весельем. — Развлечёмся.

— В каком смысле? — Итан прищурился, хотя отлично понял. В голове что-то щёлкнуло, какая-то тёмная, дремавшая шестерёнка.

— Десять тысяч. Кто первый её трахнет — тот и выиграл. Итан фыркнул, делая большой глоток. Виски обжёг горло.
— Ты серьёзно?

— А почему нет? Посмотрим, кто из нас, друг мой, завалит эту... мышку. Думаю, она и не знает, что такое качественный трах. Без сантиментов. Ей жизнь нужно показать. Или ты боишься проиграть?

Нейт усмехнулся, откинулся на спинку кресла и с прищуром посмотрел на Итана, явно наслаждаясь его молчанием.

— Хотя чего это я... Ты же у нас всегда был правильным мальчиком. Всё по полочкам, всё по правилам. Никакого риска, никакой грязи. — Ты просто не сможешь. Не тот уровень.

Он сделал паузу, давая словам осесть в воздухе.

— Я, знаешь, всегда думал: круто, что у нас есть ты. Моз-

ги, стратегия, всё такое. — Нейт сделал глоток виски, смакуя, и закурил, выпустив дым в потолок. — Но в чём ты реально слабак, Итан, так это в том, что ты не можешь просто взять то, что хочешь, и не думать о последствиях. Плевать на них, понимаешь? Просто плевать.

Он развёл руками, будто подводя черту, отпил ещё глоток и затянулся сигаретой, глядя на Итана сквозь дым.

— Ладно, забей. Я и сам справлюсь. Мне даже интереснее будет смотреть, как ты потом будешь жалеть, что струсил. Что не решился. Что упустил шанс.

Итан смотрел на неё сквозь стекло. На её тонкую фигуру, на светлые волосы, выбившиеся из хвоста, на то, как она двигалась в полумраке, не подозревая, что за ней наблюдают. Он сделал очередной глоток, виски обожгло горло.

Нейт прищурился, вглядываясь в его лицо, заметил этот взгляд, слишком долгий, слишком пристальный. Усмехнулся, сжал бокал сильнее.

— Смотришь на неё? — Нейт кивнул в сторону Мии. — Нравится? Конечно, нравится. Красивая сучка. Но ты же сейчас думаешь не о том, как её трахнуть. Ты думаешь о том, что она там чувствует, о чём мечтает, какое у неё детство бы-

ло. — Он хохотнул, затягиваясь. — А знаешь, что я думаю? Вся эта хрень про любовь, отношения, нежность — это для слабаков. Для тех, кто боится одиночества и прикрывается этими сказками.

Он протянул Итану бутылку, жестом предлагая налить ещё.

— Отношения — это слабость, Итан. Чистая, неприкрытая слабость. Ты отдаёшь человеку часть себя, свои деньги, своё время, свою свободу. А зачем? Чтобы получить иллюзию, что ты кому-то нужен? Серьёзно? — Нейт говорил цинично, с пьяной, но твёрдой убеждённойостью, будто выплёскивал то, что копилось годами. — Можно ведь просто трахнуть любую, без всех этих высеров. Без ужинов, без разговоров до утра, без «как прошёл твой день». Взял — получил удовольствие и разошлись. И никто не претендует на твои бабки, когда надоест. Потому что рано или поздно она захочет большего. Они всегда хотят большего. А ты потом отдашь половину состояния, которое мы с тобой вместе поднимали, какой-нибудь суке, которая просто умело раздвигала ноги.

Он ткнул пальцем в стекло, указывая на Мию.

— Вон, посмотри на неё. Эту можно просто трахнуть. Ис-

пользовать. Получить кайф. И забыть наутро. Ей не нужна твоя любовь, не нужны твои деньги. Она просто тело. Красивое тело, которое хочет, чтобы его взяли. И плевать, что она там чувствует. Плевать на её чувства вообще, — голос Нейта стал жёстче, злее. — Чувства это роскошь, которую могут позволить себе те, у кого нет ничего, кроме этих чувств. А у нас есть деньги. Власть. Возможности. И мы имеем право брать всё, что захотим. Не думая. Не оглядываясь. Не платя потом.

Он замолчал, давая словам осесть в воздухе, и сделал ещё глоток, довольно щурясь.

— Так что смотри на неё, Итан. Смотри и думай: ты хочешь быть слабакам или тем кто побеждает?

Итан слушал. Каждое слово Нейта врезалось в сознание, смешиваясь с виски, с этим тёмным возбуждением, с видом Мии за стеклом. Он снова сделал большой глоток, чувствуя, как алкоголь смывает последние барьеры.

Он обернулся к Нейту, и в его глазах, помутневших от виски и тёмного, давно подавляемого желания, вспыхнул тот же азартный, хищный огонёк. Уголок его рта дрогнул в подобии улыбки.

— А знаешь что? — голос Итана был низким, хриплым, чужим для него самого. Он откинулся в кресле, не отводя взгляда от фигуры за стеклом. — Давай

Глава 8

Прошла неделя.

Нейтан не умел ждать. И действовал так, как привык — тупым напором, без полутонов, буквально атакуя. Его «подкаты» были грубыми, примитивными, почти комичными в своей самоуверенности. Он считал, что достаточно оказаться рядом, нависнуть над ней, сказать что-то двусмысленное своим хриплым, пьяноватым голосом и девушка «поплывёт». Просто потому что он — Нейтан Филл. Потому что он может себе позволить.

Он привык всё покупать, у него сформировалась простая, циничная философия: любой вопрос решается суммой, любая женщина имеет свою цену. Достаточно назвать цифру, пообещать подарок, оплатить ужин в ресторане, куда простые смертные не попадают, — и всё, дело в шляпе. Так работало всегда. Так работало везде.

Но не с ней.

Нейтан стал появляться в офисе всё чаще, по вечерам, без повода, будто специально подгадывая её смены. Иногда с бокалом виски в руке, иногда просто так, засунув руки в карма-

ны, с этой своей ленивой, наглой походкой. Стоял, прислонившись к стене или перегородке, и смотрел на неё в упор как хищник, оценивающий добычу.

Мия каждый раз вздрагивала, едва замечая его в поле зрения. Она научилась чувствовать его присутствие за несколько метров, по запаху дорогого одеколона, по тяжёлым шагам, по этому тяжелому взгляду, который буквально ощущался кожей. Она инстинктивно отступала, делала шаг назад, стараясь увеличить расстояние. Иногда молча уходила, иногда кивала, не поднимая глаз, надеясь, что он просто пройдёт мимо.

Но он не проходил.

Он замедлял шаг рядом с ней. Наклонялся слишком близко, вторгаясь в личное пространство. Говорил что-то вполголоса, двусмысленное, с намёком, от которого кровь стыла в жилах.

Однажды он преградил ей дорогу у кухни. Встал прямо перед ней перекрывая проход тележке. Слишком близко. Слишком уверенно. На его лице расплзлась та самая ухмылка — самодовольная, пьяная, грязная.

— Чего бегаешь? — спросил он, наклоняясь к её лицу. —

Я кусаюсь, только если попросят.

Мия покачала головой, пальцами сжала ручку тележки и попыталась обойти. Он рассмеялся — громко, мерзко, — но посторонился. Она вырвалась и почти бегом ушла в другой конец зала, чувствуя спиной его взгляд.

Итан видел всё из своего кабинета.

Тонированное стекло превращало его в невидимого наблюдателя, отделённого от этого грязного спектакля тонкой, но надёжной стеной. Он сидел в своём кресле, откинувшись на спинку, с бокалом виски в руке, и смотрел. Без эмоций. Без осуждения. Просто наблюдал, как Нейтан раз за разом терпит фиаско.

Он видел, как Нейтан «случайно» оказывается рядом с Мией. Как замедляет шаг. Как наклоняется слишком близко. Как говорит что-то, от чего она бледнеет. Слов Итан не слышал, но видел реакцию. Видел этот испуг в её глазах, эту дрожь, это отчаянное желание исчезнуть.

Когда Нейтан преградил ей дорогу, Итан даже не шелохнулся. Просто смотрел. Видел, как она сжалась, как попыталась обойти, как он загородил проход. Видел её панику.

Она вырвалась и убежала. Нейтан рассмеялся ей вслед и пошёл в другую сторону.

Итан тихо усмехнулся.

Вся эта сцена выглядела... предсказуемо. Грубо. Тупо. И совершенно бесперспективно.

— Идиот, — пробормотал он себе под нос. Без злости, без осуждения. Просто констатация факта.

Нейтан действовал так, как действовал всегда: в лоб, нахрапом, путая давление с уверенностью. Он искренне не понимал, почему это не работает. Почему она не падает в его объятия, как те девушки в клубах. Почему шарахается, как от огня.

А Итан понимал.

Он знал таких девушек.

Не по личному опыту, по наблюдениям, по той холодной, аналитической части сознания, которая всегда работала отдельно от эмоций. Таких нельзя брать настойчивостью. Их нельзя купить дорогими подарками или впечатлить громкими именами. Они не откликаются на пошлые намёки и само-

уверенные фразы. Они закрываются. Сжимаются. Исчезают.

К ним нужен другой подход.

Итан повернулся к столу, поставил бокал рядом с ноутбуком и открыл файлы с личными данными сотрудников. Пальцы быстро застучали по клавиатуре, пробиваясь через корпоративную базу.

Мия Элинг.

На экране появилась небольшая фотография в углу — нейтральная, почти официальная, для пропуска. Светлые волосы аккуратно собраны, лицо серьёзное, взгляд чуть в сторону. Ничего вызывающего. Ничего лишнего.

Но что-то в этом лице цепляло. Сильно цепляло.

Он медленно провёл пальцем по экрану, приближая изображение, будто пытался рассмотреть каждую деталь. Большие, голубые глаза, такие чистые, прозрачные, как северное небо. Он смотрел в них так жадно, будто пытался заглянуть внутрь, будто они могли сказать ему то, что он хотел узнать. Чуть пухлые губы, сейчас сжатые в тонкую линию. Он представил, какие они мягкие, т нежные. Аккуратный нос, мягкая линия скул.

В этой внешности не было ничего кричащего, ничего нарочитого. И именно это цепляло. Не кукла, не маска, не игра. Она была... настоящей. Не тронутой. Не испорченной. И от этого хотелось смотреть ещё дольше. Ещё пристальнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.